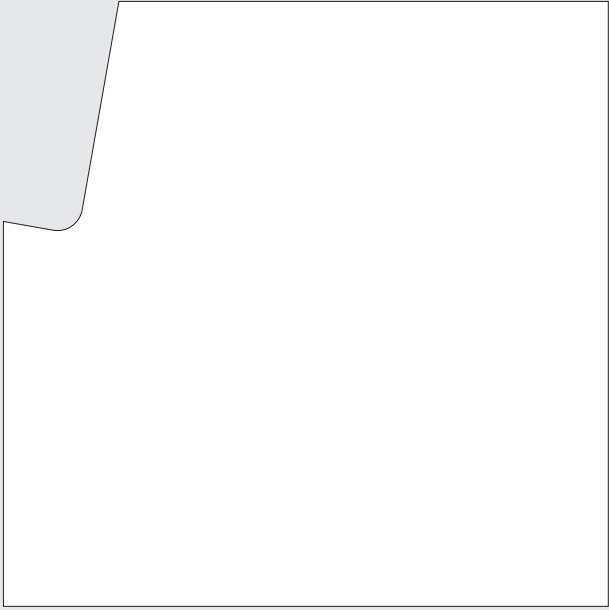
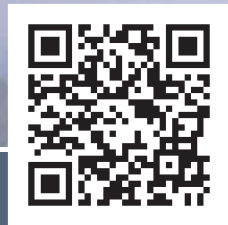


ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНАЯ
ТЕТРАДЬ
№ 007



ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО





РЕЗУЛЬТАТЫ БОГОСЛОВСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕМЫ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА

evangelical.council@gmail.com

УДК 277.4(082)
ББК 86.376
М34



М34 Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 7.
Результаты богословского осмысления темы ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА.
– М.: Местная религиозная организация Евангельских христиан-баптистов
«На Руси», 2013. – 84 с.
ISBN 978-5-905150-07

Неклерикальный способ рассуждения о Боге и Его действиях в мире и жизни людей оказался наиболее продуктивной формой богомыслия русского человека. Именно эту традицию продолжают авторы философско-религиозных тетрадей.

Христианское мировоззрение является тем полем, на ниве которого происходит свободное обсуждение поднимаемых вопросов. Многостороннее рассмотрение позволяет сделать объемную и комплексную проработку важнейших тем. Переход от злободневности к ретроспективному анализу помогает рассматривать проблему шире, выявляя ее сугубые особенности, что позволяет делать определенный прогноз в исторической и эсхатологической перспективах. За счет философского инструментария совершается более точная проблематизация и, одновременно, более глубокая контекстуализация материала. А бескомпромиссность богословской позиции задает дискуссии вертикальный вектор, заставляя в поиске ответов на животрепещущие вопросы преодолевать притяжение земного и ориентироваться на Вечность.

«Всеобщее священство» – седьмой сборник серии, возникший как плод работы над одноименной темой. Работа эта была начата на III Евангельском Соборе в Ирпени и продолжена на IV Евангельском Соборе в Санкт-Петербурге. Большая часть статей, представленных в сборнике, – это результат размышлений участников Московского богословского семинара и той дискуссии, которая возникла в переписке участников.

Статьи данной тетради также можно прочесть на сайте «Русский архипелаг» по адресу http://www.archipelag.ru/agenda/gospel_povestka/diskurs_2012

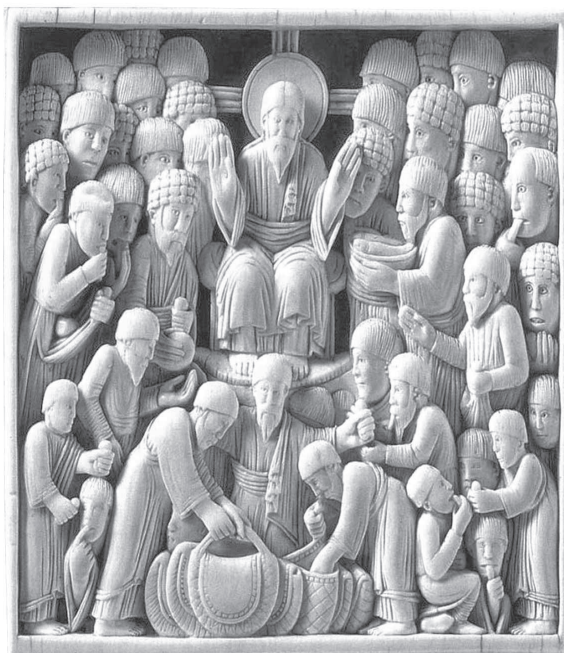
УДК 277.4(082)
ББК 86.376

ISBN 978-5-905150-07

© Местная религиозная организация Евангельских христиан-баптистов «На Руси», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	4
ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО КАК ВЫЗОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ	5
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА	25
О ХРИСТИАНАХ-ПРОФЕССИОНАЛАХ И ПРОФЕССИОНАЛАХ-ХРИСТИАНАХ	39
НОВОЗАВЕТНЫЙ АРИСТОКРАТИЗМ	43
ВКУС ЛЮБВИ	49
ЖИВОЙ МАНИФЕСТ	57
ЖИВЫЕ КАМНИ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА	67





Боговоплощение и Крест ставят нас перед Тайной, постигать которую мы призваны, но постичь которую до конца во время нашего земного странствия так и не сможем. Ведь именно в ней сокрыты ответы на глубочайшие вопросы человека: о смысле жизни каждого из нас, о судьбе человечества в целом, о Боге и Его отношениях с этим миром и каждым из нас в отдельности.

В свою очередь, Великое Поручение Христа «научить все народы» требует от Церкви сразу двух взаимоисключающих и потому недостижимых человеческими усилиями вещей: абсолютного посвящения себя Господу и предельной открытости миру. Мы одновременно и отделены от мира, и посланы в этот мир. Нам нужно уметь видеть в этом мире и славу Божьего творения, и его греховность, и знаки грядущего Царства. Для того чтобы это было возможно, Церковь должна непрестанно совершать богословскую рефлексию, направленную на все более глубокое понимание Откровения и собственной миссии в сложном и быстроменяющемся мире.

Богословская работа — не повторение и заучивание однажды найденных формулировок, но напряженный поиск того, как жить перед Божиим Ликом в гуще современной жизни и свидетельствовать о Нем другим. Богословский поиск требует предельно открытой дискуссии относительно ключевых истин христианской веры. Такая работа предполагает необходимость встречи с Другим, стремление к диалогу с представителями других мировоззрений и последующее переосмысление чужого дискурса с позиции Откровения Бога во Христе. Эта работа, конечно же, связана с риском, неизбежными ошибками, но, тем не менее, обойтись без которой Церковь просто не может.

Мы стремимся создать условия для богословского поиска на нескольких площадках. Заседания Московского богословского семинара, которые проходят дважды в месяц, позволяют последовательно проработать ту или иную тему. На Предпасхальных богословских конференциях «От греков к варягам» происходит встреча представителей различных богословских школ, благодаря чему происходит взаимное обогащение участников. Конференция «Реформация vs Революция», а также участие в методологических организационно-деятельностных играх, — это возможность встречи и диалога с представителями других онтологий.

В настоящем сборнике представлены статьи, возможно, на одну из самых актуальных тем современного богословия — тему священства всех верующих. Разработка данной темы была начата на III Евангельском соборе (Ирпенском), продолжена Московским богословским семинаром, углублена на IV Евангельском соборе (Санкт-Петербургском) и на других площадках. Этот сборник — первый шаг в раскрытии богословской и практической перспективы данной темы.



Михаил Дубровский

ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО КАК ВЫЗОВ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Принципиальное требование Господа — «священство всех верующих» — исторически всегда вступало в конфликт с реальной жизнью Божьего народа. Подлинная реформация невозможна без отклика на призыв «быть царями и священниками». Насколько возможно реализовать принцип всеобщего священства в современной ситуации?

Данная работа является результатом рефлексии дискуссий о всеобщем священстве на Третьем Евангельском соборе, Первой богословской конференции «От греков к варягам» и на Московском богословском семинаре осенью 2012 года. Толчком к этим дискуссиям послужило обсуждение статуса служителей в евангельских церквях и вопросы, связанные с отсутствием в русскоязычном евангельском пространстве понятия о трудовой этике. Дискуссии на Соборе, конференции и семинаре разворачивались вокруг следующих основных тем:

1. Что вкладывается в понятие «всеобщее священство»?
2. Как воплощался (если воплощался) принцип всеобщего священства в истории Церкви?
3. Какова ситуация относительно священства всех верующих в современной Церкви, и в чем причина именно такой ситуации?

4. Как принцип всеобщего священства может быть реализован в условиях современной городской общины? Какие изменения в учении и практике современной Церкви для этого необходимы?

Всеобщее священство как принципиальная позиция

Известно, что понятие всеобщего священства ввел Мартин Лютер в трактате «К христианскому дворянству немецкой нации», но сама идея укоренена в Писании, причем еще в Ветхом Завете: **«Вы видели, что Я сделал с египтянами, видели, как нес Я вас на орлиных крыльях и принес к Себе! Если вы будете Мне послушны и верны договору со Мною, то вы будете Моим драгоценным сокровищем среди всех народов земли! Вся земля Моя, а вы будете у Меня царством священников, святым народом!»** *Передай эти слова сынам Израилевым»* (Исх 19:4-6)¹.

Лишь позже, когда народ отказывается приближаться к Богу, возникает институт жрецов-священников как посредников между Богом и Божьим народом. Тем самым библейское повествование показывает, что институт «сугубого священства» не был изначальным замыслом Бога для Его отношений со Своим народом. Это косвенно позже подтверждает и Моисей, когда восклицает: **«...О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!»** (Числ 11:29).

В Новом Завете происходит обновление и восстановление изначального замысла. Признание власти апостолов со стороны священников и левитов (Деян 4:36,37; 6:7) показывает, что уже в Иерусалимской Церкви привычные для евреев понятия о священстве утратили силу. Богословское основание для этого дано в послании к Евреям, где вводится представление о двух видах священства: по чину Аарона — наследственное, институализированное, и по чину Мелхиседека, которое не вписывается ни в какие человеческие каноны, но в котором Бог лично действует по Своей суверенной воле. Далее подробно объясняется превосходство

Институт «сугубого священства» не был изначальным замыслом Бога для Его отношений со Своим народом.

священства Иисуса, чем и обосновывается отмена ветхозаветных представлений о священстве как утративших силу. Наконец, в первом послании Петра (1 Петр 2:9), в котором, фактически, цитируется текст из Исхода, вновь утверждается принцип священства всех верующих: **«Но вы — избранный род, священство Царя, святой народ, Божье владение, избранные,**

¹ Современный перевод РБО, 2011.

чтобы возвестить о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет» (1 Петр 2:9)².

Итак, священство всех верующих есть изначальный замысел Бога, который Он стремился воплотить и в Израиле, и в Церкви. Уместно задать вопрос: что есть этот первоначальный замысел? Ведь понятно, что Господь, называя Израиль «царством священников», не имел в виду, что все израильтяне будут только тем и заниматься, что приносить жертвы в Храме!

Кажется, наиболее очевидный (хотя и необязательно самый верный) ответ на этот вопрос заключается в том, что израильтяне были призваны Богом к тому, чтобы образом своей жизни явить истинного Бога другим народам. Во всяком случае, слова Моисея во Второзаконии подтверждают эту догадку: **«Строго соблюдайте и исполняйте их — и тогда все народы увидят вашу мудрость и разум. Услышав обо всех этих предписаниях, они скажут: «Как мудр и разумен этот великий народ!» Есть ли еще такой великий народ — народ, чьи боги были бы так близки к нему, как близок к нам Господь, наш Бог, когда мы призываем Его? Есть ли еще такой великий народ — народ, чьи правила и законы были бы так справедливы, как этот Закон, который я даю вам ныне?»** (Втор 4:6-8)³.

Ему вторит и апостол Петр, говоря, что мы призваны **«возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»** (см. 1 Петр 2:9).

Отсюда следует довольно неожиданный вывод, что подлинным священнодействием в глазах Бога является не совершение каких-то ритуалов, а образ жизни, повседневная жизнь людей, верующих в Него. Если так было задумано еще в Ветхом Завете, тем более это верно для христиан. И подлинный вызов Церкви — воплотить этот замысел в реальность, научить христиан жить так, чтобы сама наша жизнь, наша работа, наши отношения стали свидетельством о той Реальности, которую мы зовем Богом...

Позже мы еще вернемся к этому вопросу. Пока же рассмотрим ряд понятий, так или иначе связанных с нашей темой.

Всеобщее священство vs апостольское преемство

Понятие «апостольское преемство» формируется постепенно. Приведем наиболее значимые этапы.

Сначала Игнатий Антиохийский (Богоносец) в самом конце I века разделяет позиции пресвитера и епископа, которые до этого полагались как равные: по сути, церковной общиной управляла группа лидеров,

² Современный перевод РБО, 2011.

³ Там же.

которые где-то назывались епископами, а где-то — пресвитерами. В пасторских посланиях Нового Завета равнозначность этих позиций очевидна даже без глубокого анализа. Игнатий же выделяет епископа как ключевую фигуру, единственного лидера церковной общины города. Пресвитеры и дьяконы ставятся в подчиненное положение: они помогают епископу в служении и выполняют те или иные действия по распоряжению и/или с благословения епископа. Соответственно, в каждом городе может быть только один епископ — так формируются зачатки понятия «каноническая территория». Более того, согласно Игнатию именно епископ несет на себе всю полноту церковности: где епископ, там и церковь⁴. Уже не община, не собрание народа Божьего является земным выражением Тела Христова, эта функция приписывается одному человеку! Именно этим решением было заложено основание будущих проблем, связанных как с лжеучениями, так и со злоупотреблениями властью.

И подлинный вызов Церкви — научить христиан жить так, чтобы сама наша жизнь, наша работа, наши отношения стали свидетельством о той Реальности, которую мы зовем Богом.

Понять, почему священномученик Игнатий настаивает на таком способе организации церковной жизни, можно. Смерть апостолов, гонения и ереси, причем в ситуации отсутствия канона Нового Завета и внятной системы управления — все это представляло для Церкви серьезную угрозу. Решения, предложенные Игнатием, позволили удержать ситуацию. Однако за эту победу пришлось заплатить смещением акцента в понимании Церкви с жизни общины как клеточки таинственного организма на священническую иерархию как носителя церковности⁵.

Второй сюжет связан с именами Иринейя, епископа Лиона (вторая половина II века) и Тертуллиана (II-III вв). Именно они вводят понятие апостольского преемства, согласно которому законным является только тот епископ, чье рукоположение можно проследить непосредственно до апостолов. Считается, что первых епископов рукоположили сами апостолы (что и само по себе не очень достоверно, но еще менее достоверно, что

⁴ На самом деле Игнатий Антиохийский нигде прямо такого не утверждает. Точная цитата звучит так: «Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь» (Игнатий Богоносец, Послание к смирнянам, гл. VIII). Но исторически его слова понимались именно так: есть епископ - значит, есть и Церковь, нет епископа - нет и Церкви.

⁵ Стоит отметить, что уверенно констатировать различие между клиром и мирянами можно лишь с третьего столетия. См. **Г. Кюнг**, «Церковь». ББИ, М., 2012, с. 174

апостолы понимали епископское служение так же, как это позже формулирует Игнатий Богоносец), тем самым передав им особую благодать созидания Церкви.

И с тех пор эта благодать передается через рукоположение последующим епископам. Важно подчеркнуть: поскольку именно епископ на данный момент считается подлинным носителем церковности, то речь идет именно о рукоположении епископов. Пресвитер или дьякон не может передавать благодать, они могут служить лишь под руководством и с благословения епископа. Слабое место этой конструкции заключается уже в первом ее звене: понятно, что апостолы не рукополагали епископов в указанном выше смысле, для них носителем церковности являлась община, а список служителей включал куда больше позиций. Это видно и из книги Деяний, и из посланий апостолов, в которых позиции пресвитера и епископа полагаются как равные (например, Тит 1:5-7). Но конструкция, введенная Игнатием, обладала мощной притягательностью и ясностью, потому ее основания в тот момент никто не рефлектирует. И апостольское преемство становится нормой церковного строительства на долгое время.

Надо добавить, что Тертуллиан ввел еще один элемент, усиливающий эту конструкцию. Он фактически связал принцип апостольского преемства с ортодоксией, верностью учения. Согласно Тертуллиану, верным является учение того епископа, который может показать преемственность своего рукоположения непосредственно от апостолов. В ситуации, когда устному слову доверяли больше, чем письменному, когда еще не произошло официального общецерковного закрепления ни одной из доктрин, когда цепочка передачи еще очень короткая (например, Ириней был учеником Поликарпа, епископа Смирны, а тот, в свою очередь, — учеником апостола Иоанна), введение такого принципа было понятным и оправданным. Но на каком основании принцип, рожденный в конкретной ситуации для решения конкретных проблем, стал универсальным для Церкви на все времена? Не свидетельствует ли такой подход о фактическом отступлении от заветов Отцов Церкви, которые не боялись творчески относиться к полученному наследию, прилагая его к конкретной проблеме или ситуации, в то время как их последователи отказались от творческого подхода и возвели ситуативные решения в ранг универсальных принципов?

Найти ответ на эти вопросы еще предстоит. Для нас же сейчас важно показать, что введение епископата в его новом, не

На каком основании принцип, рожденный в конкретной ситуации для решения конкретных проблем, стал универсальным для Церкви на все времена?

новозаветном понимании, и утверждение принципа апостольской преемственности привело к забвению завета о всеобщем священстве верующих. Ведь если благодать на служение передается только в рукоположении, то совершать священнослужение может далеко не каждый. Усиление епископата требовало отказа от «снаряжения святых на дело служения», отказа от того, чтобы считать каждого христианина полноправным священником в том труде, который вверен ему в соответствии с его дарами.

Новозаветное понимание священства

Внимательное чтение Писания дает возможность положить принципиально иной подход к преемственности от апостолов: **«От Симеона Петра, служителя и апостола Иисуса Христа, — тем, кто благодаря оправданию Богом нашим и Спасителем Иисусом Христом, обрел веру, столь же драгоценную, как наша»** (2 Петр 1:1)⁶.

В самом начале своего письма апостол утверждает, что всякий, кто оправдан Иисусом Христом, обрел веру того же качества, что и вера самих апостолов! Иными словами, с апостольской эпохой (и со всей историей Церкви) нас связывает не длинная цепочка епископов, а личная встреча с Воскресшим, благодаря которой произошло преображение наших жизней. Более того, если вера каждого из нас — столь же драгоценна, как и вера самих апостолов, то призвание к священническому служению становится абсолютным императивом для каждого христианина. Новый Завет написан не для епископов как носителей церковности — его книги обращены ко всем последователям Христа и сообществу верующих — церковной общине. Из истории мы знаем, что письма апостолов читались на собораниях Церкви, и каждый верующий должен был принимать решения и действовать в соответствии с услышанным. Новозаветной нормой жизни Церкви являются не апостольская преемственность и епископат, но всеобщее священство и соборность. Нормой, за возврат к которой надо бороться, прежде всего, в собственной жизни.

«При вступлении в Церковь верующий через таинство Крещения и ниспослание ему дара Духа Святого поставляется на служение в Церкви. Всякий член Церкви — харизматик, обладающий благодатью Божией. Дар Духа Святого, получаемый каждым верным в таинстве Миропомазания, сообщает ему харизму царственного священства. В Церкви нет даров Духа без служения, как и нет служения без даров. Через харизму царственного священства верный призывается к священническому служению в Церкви»⁷.

⁶ Современный перевод РБО, 2011.

⁷ http://www.liturgy.ru/tainstva_sviaschenstva

Всеобщее священство vs трудовая этика

В данном разделе мы рассмотрим примеры протестантской трудовой этики как наиболее глубоко проработанной. Однако общие выводы вполне применимы и к другим этическим системам.

Как отмечалось выше, Лютер был первым, кто вновь поставил вопрос о священстве всех верующих. Последующее развитие протестантских стран Европы, а также США, создает впечатление, что принцип всеобщего священства нашел свое воплощение, с легкой руки Макса Вебера получившее название «протестантская трудовая этика», в специфическом отношении к труду и богатству. Анализ трудовой этики протестантов, проведенный Вебером, заставляет задуматься о многом. Но для нашего исследования, прежде всего, нужно поставить вопрос, насколько протестантская трудовая этика соответствует духу самой Реформации? Другими словами, является ли протестантская трудовая этика адекватным выражением принципа всеобщего священства? На первый взгляд, описанное Вебером отношение к труду и ресурсам есть прямой результат личной веры и ответственности перед Богом за доверенное Им в этой земной жизни. Однако сам Вебер в своей работе неоднократно подчеркивает, что ни у Лютера, ни у других отцов Реформации невозможно найти идей, которые легли в основу подобной этической системы⁸.

Протестантизм, безусловно, поднял достоинство повседневного труда (а также — ценность семейных отношений, домашней работы и

⁸ Вот лишь одна из множества подобных цитат: «Если мы, исследуя взаимосвязь между старопротестантской этикой и развитием капиталистического духа, отправляемся от учения Кальвина, кальвинизма и других «пуританских» сект, то это отнюдь не означает, что мы предполагаем обнаружить, будто кто-либо из основателей или представителей этих религиозных течений в каком бы то ни было смысле считал целью своей жизненной деятельности пробуждение того «духа», который мы именуем здесь «капиталистическим». Мы, конечно, не предполагаем, что стремление к мирским благам, воспринятое как самоцель, могло кому-нибудь из них представляться этической ценностью. Раз навсегда необходимо запомнить следующее: программа этической реформы никогда не стояла в центре внимания кого-либо из реформаторов... Они не были ни основателями обществ «этической культуры», ни носителями гуманных стремлений и культурных идеалов или сторонниками социальных реформ. Спасение души, и только оно, было основной целью их жизни и деятельности. В нем и следует искать корни этических целей и практических воздействий их учений; те и другие были лишь следствием чисто религиозных мотивов. Поэтому нам придется считаться с тем, что культурные влияния Реформации в значительной своей части... были непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносились перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям». Макс Вебер, «Протестантская этика и дух капитализма», с. 35

воспитания детей) на совершенно новый уровень, тем самым придав ежедневной работе высший смысл. Понимание труда как призвания от Бога дало мощный импульс развитию как отдельного человека, так и целых наций. Но можно ли на таком основании считать, что в этом и был замысел Бога, когда Он говорил о царственном священстве верующих? На этот вопрос мы вынуждены дать отрицательный ответ.

Во-первых, протестантская трудовая этика весьма напоминает этику фарисеев, так ярко переданную в Новом Завете (о чем Вебер прямо говорит в своей работе). Есть четко обозначенные границы, за которые не следует заходить, а в остальном человек волен делать, что угодно. Это может напоминать известное выражение блж. Августина «Люби, и делай, что хочешь», но у Августина призыв любить задает недостижимую высоту, а потому требует постоянного внутреннего поиска, работы над собой, ежедневного подвига веры. Протестантская этика, напротив, создавала условия, в которых человек считал себя глубоко благочестивым (и таковым считали его и другие), в то время как его совесть могла оставаться практически в спящем состоянии. Место поисков запредельного занял идеал спокойной размеренной жизни, приносящей к тому же неплохой доход. При таком подходе было легко оправдать эксплуатацию ближнего, несправедливое распределение благ и социальную несправедливость.

Протестантская трудовая этика есть редукция принципа всеобщего священства.

Вторая причина, по которой невозможно признать трудовую этику протестантизма подлинным выражением принципа священства всех верующих, заключена в состоянии самих протестантских церквей. Хотя протестантизм формально и отказался от священнической иерархии, изменив и церковное вероучение по этому вопросу, и структуру церковных общин, но по факту разделение на священников и мирян оста-

лось. В одних направлениях протестантизма это может быть выражено менее, чем в других, но в той или иной степени присутствует во всех конфессиях. Протестантским общинам не удалось реализовать ни призыв к священству всех верующих, ни к соборности в жизни. Высота, заданная Евангелием, была сведена до трудовой этики и участия членов общины в выборах пастора и обсуждении бюджета.

Таким образом, протестантская трудовая этика есть редукция принципа всеобщего священства, сведение его до добросовестного труда и легальной наживы. Но здесь нет ничего специфически христианского: чтобы следовать этим этическим нормам, вовсе необязательно иметь личные

отношения с Христом. Заметим, что последнее утверждение в равной мере относится и к любым другим этическим принципам. В христианстве, безусловно, есть и этическое учение, но христианство не может быть сведено к этике. Более того, этика Нового Завета не так уж сильно отличается от других этических систем. Принципиальное отличие христианства в том, что в его основе находятся личные отношения человека с Богом, опыт встречи с Воскресшим, опыт прощения грехов и исполнения Святым Духом. И если мы хотим ответить на вопрос, как вообще возможно всеобщее священство, мы должны искать ответ в этом, весьма специфическом направлении.

Всеобщее священство: принципиальные положения

Наш краткий обзор показывает, что Церковь не смогла удержаться на высоте призвания к царственному священству всех верующих. Каждый раз христиане соглашались на компромиссный, редуцированный вариант, позволяющий успокоить совесть и вести более или менее устроенную и размеренную жизнь без необходимости ежедневного сверхусилия в стремлении найтись в Нем.

Интересно, что описание двух типов такой редукции удивительным образом напоминает описание двух основных групп, противостоящих Христу в Евангельских повествованиях. Саддукеи — сыны Садока, которым было обещано вечное священство за верность во время отступничества всего Израиля (Иез 44:15), — во времена Христа полностью контролировали Храм и все, что с Храмом было связано. Наследственный принцип постановки священников делал невозможным включение в эту группу кого бы то ни было еще. При этом сами саддукеи были уже весьма далеки от того образца, который дал им такую привилегию.

Фарисеи — группа людей, фанатически преданных выполнению норм Закона — образец иудейской этической праведности. Характерно, что Христу активно противодействуют обе эти партии. И не менее показательно, что Христос, выстраивая Свое служение и формируя основание Церкви, обходит Своим вниманием представителей этих наиболее значимых групп. Очевидно, Ему было необходимо положить в основание Своего служения какой-то *иной* принцип. А потому Он не мог опереться в Своей работе на тех, чье мировоззрение было «заквашено» устаревшими представлениями.

Очень похоже, что слова Христа **«берегитесь закваски фарисейской и саддукейской»** (Мф 16:6) сохраняют свою актуальность и сегодня. В поисках подходов и принципов реализации священства всех верующих мы не сможем опереться ни на апостольское преемство, закрепляющее

подлинную церковность за иерархией, ни на этику, поскольку в последнем случае вера сводится к определенному стандарту поведения. Нужно искать *иной подход*, который позволит осуществлять призыв к всеобщему священству на практике.

И прежде всего, нужно определить, что подразумевается под священством и священнослужением (священнодействием). Кажется очевидным, что призыв к священству всех верующих исключает возможность понимания священнослужения как совершения особых ритуалов или таинств. Писание дает несколько принципиальных положений, которые помогут нам прояснить, что понимается под священством.

1. Священник привносит в мир *иное*

«Но вы — избранный род, священство Царя, святой народ, Божье владение, избранные, чтобы возвестить о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет» (1 Петр 2:9)⁹.

Петр говорит о том, что наша задача — открыть Бога в этом мире. Фактически, именно эта задача стояла и перед Израилем во времена Ветхого Завета (см. Втор 4:6-8). Адам, получив задачу **«владычествовать над всей землей»** (см. Быт 1:26-28), тоже должен был через свой труд явить Божью славу.

Этот мир обретает смысл только тогда, когда в нем открывается духовное, неземное измерение. В противном случае все схлопывается до банальной борьбы за существование. В таком плоском мире нет места ни творчеству, ни подлинным отношениям, ни человеческой свободе. Все это возможно лишь в том случае, если люди сознают, что выжить — еще не самое главное, что материальные ценности являются далеко не единственными; если верят, что в жизни есть высший смысл. И подлинное священнослужение состоит в том, чтобы тем или иным способом открывать дверь в иное измерение, дать людям прикоснуться к иному бытию — тому, что в Писании называется Царством Божиим.

Этот мир обретает смысл только тогда, когда в нем открывается духовное, неземное измерение.

Это — очень непростая задача. В нашем мире, который человек стремится редуцировать до поддающихся измерению и контролю «операций с материальными объектами», которые при этом имеют вполне зримое измерение «пользы», священник должен постоянно

⁹ Современный перевод РБО, 2011.

восстанавливать *иное* измерение. Он должен напоминать, что видимый мир — это еще далеко не все, что мы никогда не сможем контролировать все, что зависимость от иного — это одно из оснований нашего мира и, одновременно, одна из базовых потребностей самого человека. Мир этому священническому напоминанию отчаянно сопротивляется, потому что в таком свидетельстве об *ином* подвергается сомнению право и потенция человека на тотальный контроль хотя бы своей собственной жизни. Но одновременно мир отчаянно нуждается в этом свидетельстве, поскольку, если напоминание о мире горнем исчезает из мира сего, люди ощущают бессмысленность своего бытия и своей деятельности. Именно поэтому мир так яростно атакует всякого, кто отваживается на такое свидетельство: он стремится и ниспровергнуть этого свидетеля, и убедиться, что это свидетельство истинно.

Это значит, что священник все время находится под давлением — удивительно ли, что удерживать призыв к всеобщему священству так трудно? Чтобы приносить в мир *иное*, священник должен быть одновременно развернут и к Богу, и к миру — нужно ли говорить, что это требование почти невозможное? Потому столь велико искушение свести задачу священника до выполнения определенного алгоритма действий — так, чтобы каждый священнослужитель мог точно понимать, что от него требуется. Но такая подмена быстро осознается и отвергается: нам невыносимо трудно жить на высоте этого призвания, но ничем меньшим мы удовлетвориться не можем. Призвание работать с *иным* требует ежедневного выхода за пределы того, что нам самим понятно, что мы способны контролировать.

Одна из основных проблем Церкви: мы думаем, что уже обладаем тем, что должны дать миру, в то время как мы сами точно так же нуждаемся в том, чтобы снова и снова **обретать Бога**. Мы мним, что Бог *иной* только для внешних, а для нас Он уже свой, близкий и понятный, забывая, что святость — это прежде всего инаковость. Нам нужно, как и израильтянам в пустыне, каждый день собирать свежую манну. Нам нужно каждый раз по-новому открывать Бога и удивляться тому, как сильно Он отличается от наших о Нем представлений.

Только открываясь *иному*, мы обретаем способность открывать *иное* Другому. Этот *Другой* и есть подлинная цель нашего священнического служения.

Нам невыносимо трудно жить на высоте этого призвания, но ничем меньшим мы удовлетвориться не можем.

2. Священнослужение — это всегда служение другим людям

«Ведь всякий первосвященник выбирается из людей и для людей как их представитель перед Богом, чтобы приносить Ему дары и жертвы за грехи» (Евр 5:1)¹⁰.

Это — принципиальный момент. Возможность напрямую, без посредников приходить к Богу и общаться с Ним — еще не есть священнослужение. Быть священником — значит **жить для других**. Личное общение с Богом, стремление раскрыть и реализовать свои дары и таланты, поиск святости и проч. обретают подлинную ценность только в том случае, если они сопряжены с реальной помощью другим людям. Самый сильный образ священнослужения, оставленный нам Христом — это Господь, омывающий ноги ученикам. Призыв к царственному священству — это смертельный удар по нашему эгоизму.

Вот почему заповедь о любви к Богу всегда сопровождается *«подобной ей заповедью»* о любви к ближнему, а Богопознание тесно связано с милосердием (см. Мф 22:37-40; Ос 6:6). Вот почему разделение на овец и козлов проходит по принципу *«что сделали одному из меньших, сделали Мне»* (см. Мф 25:40).

Важно также отметить, что те *другие*, кому мы призваны служить, — это люди, которые еще не знают Христа. Если весь народ Божий — царственное священство, то наше служение должно быть направлено не внутрь Церкви, а вне ее — на мир. Что подразумевает радикальный разворот Церкви к миру, его болям и вызовам. А каждого из нас — к конкретным людям, которые нас окружают.

Тогда становится понятна роль тех, кто несет в Церкви особое, отделенное служение. Их задача — не столько обслуживать нужды верующих, сколько снаряжать христиан и подготавливать их для выполнения служения в мире в соответствии с дарами, которыми те наделены. Собственно, об этом и пишет Павел в Послании к христианам в Эфесе (см. Еф 4:11-16): апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя поставлены Христом для того, чтобы подготовить **каждого верующего** для выполнения данного ему служения. Иными словами, их задача состоит не в том, чтобы делать всю работу самим, и даже не в том, чтобы «окормлять христиан». Их основная задача — высвободить каждого христианина для священнического служения в соответствии с его уникальным даром и призванием! Все остальные задачи важны лишь постольку, поскольку способствуют достижению этой главной цели.

Здесь следует отметить, что нигде в Новом Завете ни слова не говорится о том, что люди, совершающие служение *«снаряжения святых»*

¹⁰ Современный перевод РБО, 2011.

на дело служения» (см. Еф 4:11-12), имеют какой-то особый священнический статус. Дары действительно различны, но не наличие дара делает человека священником. Священническое служение состоит в том, чтобы связывать Небо и землю, приносить реальность Царства Божьего в земную реальность. Эта задача в равной степени доверена каждому христианину. Различие даров позволяет нам делать эту работу в разных сферах жизни общества и делать ее по-разному. Но священническое призвание — это призвание каждого из нас.

3. Священнодействием может и должна быть любая повседневная деятельность

В понимании всеобщего священства чрезвычайно важно удерживать установку, что священнослужением должна быть та деятельность, которой я занят большую часть своего времени. Священнослужение начинается не тогда, когда я прихожу к Богу в молитве. И не тогда, когда я могу поделиться Евангелием с друзьями или коллегами по работе. Замысел Божий состоит не в том, чтобы основную часть жизни мы тратили на пустые дела. Каждое дело может и должно быть наполнено Его присутствием. Каждый труд может быть открытием *иного бытия* — для себя и для других. Выполнение моей работы — дома или на рабочем месте — вот что по замыслу Бога должно быть служением перед Его лицом!

При этом речь идет не просто о добросовестном выполнении работы. Как уже отмечалось выше, в трудовой этике как таковой нет ничего специфически христианского. Деятельность становится священнодействием в том случае, если в ней открывается то *иное бытие*, о котором шла речь в первом пункте.

Очевидно, что это может происходить исключительно благодаря **внутреннему состоянию** самого человека, занятого той или иной деятельностью. Такое состояние характеризуется внутренней настроенностью на священное, переживанием в процессе деятельности Божьего присутствия, осознанием и удержанием смысла этой деятельности, совершением ее как служения Богу и людям.

Как раз об этом и пишет апостол Павел: **«Рабы, во всем подчиняйтесь своим земным господам. И не напоказ, как это делают подхалимы, но от чистого сердца и из благоговения перед Господом. Что бы вы ни делали, трудитесь от всей души — как если бы это было для Господа, а не для людей. Ведь вы знаете, что Господь даст вам в**

Священническое служение состоит в том, чтобы связывать Небо и землю.

награду наследие. Ваш Господин — Христос, вы служите Ему» (Кол 3:22-24)¹¹.

Именно такой подход и превращает абсолютно любой вид деятельности, от проповеди Евангелия на миссионерской ниве до труда домохозяйки, ухаживающей за детьми, в подлинное священнодействие. Можем ли мы представить *такую* Церковь? Можем ли мы оценить силу ее влияния? Но верно и обратное: любая работа, совершаемая в ином состоянии, не является священнослужением, даже если это — ведение богослужения, совершение Причастия или преподавание крещения.

На практике такое понимание труда и такое состояние в процессе совершения труда достигается с большим усилием и удерживается крайне редко. По всей видимости, именно это и приводит к тому, что статус священнодействия закрепляется лишь за отдельными видами деятельности, которые считаются священными не в силу того, *как* они совершаются, а просто в силу особенности (отделенности) самого действия. Неизбежным следствием такого подхода становится разделение деятельности на сакральную и профанную, выделение касты священников-жрецов и сведение библейского представления о труде до того или иного варианта трудовой этики. Как результат — христиане из священников Всевышнего Бога, наделенных царственным достоинством, превращаются в прихожан, христианство начинает восприниматься как одна из религий, а Христос — как один из богов. И если мы хотим изменить сложившуюся ситуацию, то это можно сделать, лишь восстановив подлинно библейское представление о священстве всех верующих. Чтобы осуществить это не на словах, а на деле, Церковь должна признать каждый труд священнослужением и сосредоточиться на снаряжении каждого христианина на выполнение такого служения.

4. Священнослужение — это путь жертвы

«Разумеется, всякий первосвященник назначается для того, чтобы приносить дары и жертвы...» (Евр 8:3)¹².

«И сами вы, как живые камни, создайте из себя духовный Храм, чтобы, став святым священством, приносить через Христа Иисуса духовные жертвы, приятные Богу» (1 Петр 2:5)¹³.

В предыдущем разделе уже отмечалось, что призыв к ежедневному пребыванию в Божьем присутствии в процессе любого труда делает

¹¹ Современный перевод РБО, 2011.

¹² Там же.

¹³ Там же.

священство всех верующих довольно трудноосуществимой задачей. Не легче и следующее требование. Священник — это тот, кто совершает жертву. И если в Ветхом Завете в жертву приносятся животные и плоды рук человеческих, то Новый Завет выдвигает куда более высокие требования. Эту перемену показывает нам Жертва Христа: **«Но когда явился Христос как Первосвященник уже свершившихся благ, Он прошел через большее и еще более совершенное святилище, нерукотворное, то есть не относящееся к вещам сотворенным. И вошел в святыню святых раз и навсегда, и не с жертвенной кровью козлов и телят, но с собственной кровью, обретя для нас вечное искупление»** (Евр 9:11,12)¹⁴.

Отныне жертвы, приносимые в Ветхом Завете, осмыслены как образы, указывавшие на жертву Христа. И, хотя никто из нас не может повторить искупительный подвиг Христа, мы все призваны к совершению священнослужения по Его примеру и образцу. Что означает, что наша жизнь должна быть совершением постоянного жертвоприношения: **«Братья, ради милосердия Божьего к нам, я вас прошу: отдайте себя, свое тело Богу как живую жертву, освященную и угодную Ему. Только такое служение истинно духовно»** (Рим 12:1)¹⁵.

Наша жизнь должна
быть совершением
постоянного
жертвоприношения.

Таким жертвоприношением может быть:

1. Сознательный отказ от тех или иных привилегий, удобств или удовольствий, сознательное снижение уровня жизни ради служения Богу и людям. Разновидностью жертвы такого рода является пост.
2. Частичная или полная утрата имущества, потеря социального статуса, свободы, здоровья или жизни, которые произошли в процессе служения Богу или людям. Фактически, речь идет о готовности к гонениям и согласии пройти их ради Господа.
3. Посвящение времени, которое человек мог бы потратить на себя, служению людям. То же самое относится и к деньгам или иному имуществу. О такого рода жертвах Новый Завет говорит многократно.
4. Готовность уступить: прощать и просить прощения первым, в ответ на проклятие — благословлять, на зло отвечать добром.

¹⁴ Современный перевод РБО, 2011.

¹⁵ Там же.

Важно также отметить следующее: в понятии жертвы важен не факт утраты сам по себе, а то, что она совершается ради любви к Богу и к людям. В противном случае даже очень серьезная потеря не будет жертвой в подлинном смысле этого слова: *«И если я раздам бедным все, чем владею, и даже тело свое отдам на сожжение, а любви у меня нет — ничто мне не поможет»* (1 Кор 13:3)¹⁶.

Всеобщее священство: практическое воплощение

Настало время обсудить, как практически возможно воплощение этих принципов в жизни современного христианина и Церкви в целом. Ответ на этот вопрос найти крайне необходимо, поскольку именно в нем — ключ к высвобождению силы, которая вложена в нас Святым Духом, но которая высвобождается лишь *«при действии в свою меру каждого члена»* Тела Христова (Еф 4:16).

1. Признание и благословение

Прежде всего, Церкви необходимо признать, что каждый труд есть священнослужение перед Богом. Такое признание должно выражаться в благословении каждого христианина на совершение его священнического труда дома и на рабочем месте. Речь при этом не идет о том, что труд христиан внутри общины не нужен или не важен. Созидание общины — общее дело всех христиан, а не только «освобожденных служителей». Но важно практически преодолеть совершенно неевангельское представление, что христианин служит Богу лишь пару часов в неделю, причем служение это состоит в распевании гимнов и слушании проповеди. В лучшем случае служение понимается как выполнение какой-то работы по обеспечению успешного проведения богослужения — работы, чаще всего не требующей той высокой квалификации, которой обладает большинство наших современников. Тем самым мы сообщаем христианам и всему миру, что служение Богу состоит в выполнении весьма примитивных действий! Стоит ли удивляться тому, что высокотехнологичный мир проходит мимо Церкви?

Безусловно, нужны люди, готовые безвозмездно помочь в обеспечении функционирования церковной общины: подготовить помещение для богослужения, заниматься с детьми, обеспечить музыкальное сопровождение, вести малые группы... Но этот труд должен признаваться служением **наряду** с «обычной работой», а не как единственная возможность служить Богу. И если человек действительно служит на своем рабочем

¹⁶ Современный перевод РБО, 2011.

месте, то его отказ от выполнения работы по Церкви должен восприниматься с пониманием, а не как нежелание служить Богу. Не думаю, что это приведет к уменьшению численности добровольцев. Но однозначно уменьшит количество христиан, мучающихся от чувства вины, и оздоровит атмосферу в наших общинах.

2. Подготовка

Подлинное признание священства всех верующих должно привести к смене парадигмы церковного образования: система подготовки должна быть ориентирована не только на подготовку пастырей, богословов и лидеров церковных служений, а на обучение каждого христианина практически осуществлять свое священническое служение там, где он проводит основную часть своего времени. Тем самым церковная жизнь будет намного ближе к тому, что происходит в мире, — к подлинным запросам людей и общества.

Это значит, что необходимо перестраивать существующие учебные программы семинарий и библейских школ. Нужно по-иному готовить будущих лидеров Церкви. Ведь до тех пор, пока лидеры проходят подготовку в рамках привычной парадигмы, они будут воспроизводить ее в жизни своих общин. Сейчас их обучают тому, как вовлечь христиан в активное служение *внутри* общины. В то время как нужно научить их тому, как высвободить каждого христианина для служения *вне* — там, где проходит его жизнь.

Какой должна быть программа подготовки *таких* служителей — пока большой вопрос. Но сложность ответа на этот вопрос не делает его менее актуальным: если мы не найдем путей для подготовки и высвобождения христиан для совершения священнического служения, мы будем и дальше терять позиции в современном мире.

3. Соборность

Признание священства всех верующих приведет и к изменениям в подходе к управлению Церковью. Невозможно реализовать всеобщее священство без соборности — включения каждого христианина в размышление о Церкви, ее жизни и служении, а также — в принятие решений относительно этих вопросов. Конечно, в Церкви есть люди, особо одарованные для осуществления управления, но это означает лишь то, что они призваны заниматься этой работой постоянно, — возможно, получая за нее соответствующее вознаграждение. А вовсе не исключение остальных христиан из процесса принятия принципиальных решений. Люди, чье основное служение совершается за

Невозможно реализовать всеобщее священство без соборности.

стенами церковной общины, могут гораздо лучше чувствовать вызовы, которые сегодня стоят перед нами как общиной веры, и те вопросы, ту боль мира, на которую Церковь призвана дать ответ.

На сегодняшний день соборность в жизни Церкви не признается богословски и не реализуется практически. Ведь нельзя же признать соборной ситуацию, в которой решения по Церкви принимают лишь епископами, когда для «рядового христианина» не предусмотрено никаких инструментов влияния на церковную жизнь! А ситуация именно такова, причем как в исторических, так и протестантских церквях. Тем самым потенциал основной части народа Божьего оказывается незадействованным.

Всеобщее священство как новый элитарный принцип (вместо заключения)

Новый Завет для описания Божьего народа использует множество различных образов и понятий. Среди них самым распространенным является *ἐκκλησία*, переведенное на русский язык как *церковь*. Есть два основных источника для понимания смысловой нагрузки этого греческого слова.

С одной стороны, словом *ἐκκλησία* описывалось законодательное собрание граждан древнегреческого города. Все граждане (а это — свободные взрослые мужчины, примерно 7-10% от общего числа жителей) собирались вместе, чтобы решать вопросы, жизненно важные для всего города. Это было элитарное собрание — право участвовать в нем имели далеко не все горожане!

С другой стороны, слово *ἐκκλησία* используют переводчики Ветхого Завета на греческий язык, чтобы описать народ Божий, Израиль. Им, безусловно, был известен тот элитарный оттенок, который вкладывался в это понятие греками. Потому они и берут это слово, чтобы подчеркнуть элитарный, избранный характер Израиля: **«Вот у Господа, Бога твоего, небо и небеса небес, земля и все, что на ней; но только отцов твоих принял Господь и возлюбил их, и избрал вас, семя их после них, из всех народов, как ныне видишь»** (Втор 10:14,15).

Израиль избран Богом, он есть подлинная элита этого мира! И, чтобы подчеркнуть отличие от обычной, греческой *ἐκκλησία*, переводчики Септуагинты все время добавляют *ἐκκλησία του Θεου* — *ἐκκλησία Бога*.

Христиане также используют это слово, чтобы показать: Бог создает новый народ, новую элиту мира. И принадлежность к этой новой элите определяется не правом рождения (как было и в греческих полисах, и в Израиле), а новым рождением от Духа, которое происходит через веру во Христа. Теперь люди, кто в силу социального статуса не мог быть частью *ἐκκλησία* полиса, кого изгнали из синагоги, те, кто считал себя *ἐκκλησία* Бога, стали новым народом Завета — царями и священниками Бога на земле. Христос вернул этим людям достоинство, которого они были лишены, а их жизням придал новый смысл. Вот почему принадлежность к Церкви ценилась так высоко, а отлучение было худшим из возможных наказаний!

При этом элитарность христианского сообщества понималась *странным* образом. Это была не элита, ищущая все больших привилегий, а элита, считающая высшей привилегией служение: **«...Вы знаете, что у язычников правители и начальники господствуют над ними и великие ими полностью распоряжаются. Но у вас пусть будет не так! Пусть тот, кто хочет быть у вас главным, будет вам слугой, и кто хочет быть среди вас первым, тот пусть будет для всех рабом. Ведь и Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, а чтобы служить и отдать Свою жизнь как выкуп за множество жизней»** (Мк 10:42-45)¹⁷.

Создавая новую элиту, Христос одновременно полагал совершенно иную модель элитарности. Высшей ценностью считается служение другому — стремление сделать жизнь другого лучше, чем она была до этого момента. Собственно, это же является и содержанием Евангелия: Христос принес Радостную Весть о лучшей жизни, которую человек обретает в общении с Богом. Служение ближнему в стремлении открыть ему Вечность, готовность ради этого на серьезные жертвы — это же и есть принципы всеобщего священства! Люди, живущие в такой парадигме, способны перевернуть весь мир! Это совсем не похоже на атмосферу взаимных обид, упреков, а также карьеризма, интриг и борьбы за власть, которая, к сожалению, в современном христианском мире — не редкость.

Отказ от священства всех верующих есть отказ от призвания Церкви быть Его избранным народом, фактическое согласие на роль одной из общественных

Христос вернул этим людям достоинство, которого они были лишены, а их жизням придал новый смысл.

¹⁷ Современный перевод РБО, 2011.

организаций. Преодолеть сложившуюся ситуацию нелегко. Но подлинно церковная жизнь, в которой происходит полное раскрытие каждого человека, жизнь в полноте Святого Духа и любви друг другу, стоит этих усилий.



Алексей Горбачев

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА

Размышления о всеобщем священстве и трудовой этике протестантизма

Как эффективно вовлечь в служение поместной общины влиятельного в своей сфере профессионала? В кулуарах Третьего Евангельского Собора в Ирпени братья с юмором предположили, как пастор может привлечь к служению пришедшего в евангельскую общину директора депо, у которого в подчинении несколько сот человек. Служение должно быть по дарам — поэтому можно назначить его начальником транспортного отдела: пусть гостей встречает и бабушек на богослужение привозит. Другая сторона вопроса о том, как рачительно использовать дары и влияние христиан — почему мы не видим возможностей служения Богу вне церковных программ?

В славянской евангельской традиции не воспринято такое важное практическое наследие Реформации как оправдание труда по призванию, которое породило всемирно известную протестантскую трудовую этику. Именно поэтому многие христиане-бизнесмены опасаются сегодня брать на работу верующих из своих церквей. Ведь такие работники буквально зациклены на



своем служении. Им то и дело нужно убегать с работы пораньше — то на молитвенное служение, то на разбор Слова или хор, то в больницу, то к бомжам. А если брат-бизнесмен призывает к трудовой дисциплине, то его призыв воспринимается как яркое проявление бездуховности и непонимание того, что надо искать горнего, а не маммоне служить. Что вытекает из такого узкого понимания служения?

Христианин ограничен рамками церкви. Ограничено развитие его потенциала. Ограничены возможности развития его даров. Ограничено понимание призвания, личной миссии. А в результате верующий человек идет на работу, туда, где он обычно проводит пять дней в неделю, без какого бы то ни было поручения от Церкви в отношении своего труда. Христиане, в течение нескольких лет получающие образование или ведущие домашнее хозяйство, сталкиваются с тем же парадоксом «бездуховности» своей основной деятельности. Церковь поручает им благовествовать и приводить людей в общину, но не учит, как по-христиански трудиться и служить Богу в месте своей основной занятости. Христиане не снаряжены для служения на работе, дома и на учёбе. У многих нет видения личной миссии — она лежит вне рамок церковных программ, и поэтому не освящена и не признана общиной. Но то, как мы работаем, как относимся к любому своему труду, как включаемся или не включаемся в служение и как меняем или не меняем общество вокруг нас, напрямую связано с учением о всеобщем священстве.

Словосочетание «всеобщее священство» имеет богословский привкус, но за ним стоит реальность преображенной Реформацией культуры западного мира. Спросите, что протестанты в славянских странах понимают под всеобщим священством? Если ваш вопрос вообще поймут, то объяснят, что все рожденные свыше принадлежат к царственному роду, и затем, скорее всего, процитируют слова апостола Петра: **«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»** (1 Петр 2:9). А вот на вопрос о том, как это учение влияет на обычную жизнь ваших собеседников, многие ответят односложно — «никак».

Учение о всеобщем священстве в славянской евангельской традиции пока лишь теория веры.

Тема всеобщего священства в нашей христианской культуре богословски не проработана. Увидеть это легко — задайте еще один вопрос: «Кого в Церкви можно назвать служителем?» И тут же со «всеобщностью» священства все станет ясно. Всех христиан в Церкви призывают к служению, но не всех готовы назвать служителями.

Де-факто служители — это те, кто принадлежит к пасторской вертикали — помощники пастора, пасторы, пресвитеры, епископы. Даже учителей и евангелистов с трудом назовут служителями, хотя сам апостол Павел упоминает их в одном ряду с пророками, пасторами и апостолами (Еф 4:11).

Учение о всеобщем священстве в славянской евангельской традиции пока лишь теория веры, а не практика жизни Церкви. Требуется ли такая ситуация изменений или так еще можно жить долго и счастливо? Если задуматься, то можно понять, что учение о всеобщем священстве оказывает значительно большее влияние на каждодневную практическую жизнь христианина, чем большинство других христианских догматов.

Церковь в мегаполисе, которая должна соответствовать по сложности своего устройства окружающему миру, не может существовать без практики священства всех верующих.

Целостность жизни, трудовая этика и влияние христианства

Почему у постсоветских протестантов трудовая этика не получила развития? Почему пасторам приходится прилагать так много усилий, чтобы современные христиане включились в служение? Церковь нуждается в том, чтобы все христиане активно служили Богу. На Третьем Евангельском Соборе прозвучал жесткий тезис — Церковь в мегаполисе, которая должна соответствовать по сложности своего устройства окружающему миру, не может существовать без практики священства всех верующих.

Лютер писал, что все христиане являются «истинными священниками, епископами и папами»¹. Это для него, однако, не означало, что любой

¹ Вот точная цитата из работы **М. Лютера** «К христианскому дворянству немецкой нации»: «Миряне, священники, князья, епископы, или, как они выражаются, духовные и светские лица — в действительности не имеют никаких других существенных различий, кроме службы или занятия. По своему же достоинству они не различаются, потому что все принадлежат к духовному сословию; [все они] истинные священники, епископы и папы, но не у всех у них одинаковая служба, подобно тому, как в среде священников и монахов не все заняты одним и тем же делом. И по свидетельству святого Павла (Рим 12 и 1 Кор 12) и Петра (1 Петр 2), как я упоминал раньше, все мы составляем тело, а глава — Иисус Христос, и каждый является членом тела по отношению к другим. У Христа нет двух тел или тел двойного рода: одного светского, другого — духовного. Единая глава Он и одно Тело у Него». **Лютер М.** К христианскому дворянству немецкой нации. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php

человек в Церкви может сам взять на себя служение дьякона, пастора, священника или епископа. Далеко не каждый христианин призван быть служителем Церкви в таком узком смысле, но каждый может служить своим даром. Использование же даров от Бога не должно быть ограничено церковной оградой и церковными проектами.

Лютер утверждает, что деление христиан на светское и духовное сословие неверно. Служение христианина-правителя или христианина-бюрократа не менее важно, чем служение священника. Можно ли служить Богу своей профессиональной деятельностью, которая не связана с церковной общиной напрямую? Дать положительный ответ на этот вопрос не позволяют греческие философские корни западной цивилизации, которые противоречат библейскому взгляду на мир.

Разбираясь с концепцией всеобщего священства, профессионального призвания и служения, мы занимаемся восстановлением оснований, причем их приходится искать в значительно более древних исторических пластах, чем время Реформации и даже время рождения Церкви. Чтобы проделать эту работу, будем действовать ретроспективно, совершив прыжок сначала к Лютеру, затем к апостолу Петру и далее, в рамках еврейской традиции, к Моисею и глубже — к Божьему поручению человечеству в Эдемском саду.

Чтобы концепция всеобщего священства стала реальностью жизни Церкви, требуется восстанавливать целостность нашего представления о Творении, а именно: целостность мышления о духовном и материальном, о церковном и светском, целостность в понимании человека как существа психофизиологического и духовного, целостность служения Богу и обыденной жизни, целостность работы и служения. Необходимо также обновить наше понимание о личном и профессиональном призвании, о статусе и роли служителя.

На уровне обыденного христианского сознания по всем этим категориям у нас существуют противопоставления. Мир в нашем представлении фрагментарен, раздроблен. Пасторы пытаются помочь верующим перестать быть «воскресными» христианами, но это не решается проповедями, молитвенными собраниями и изучением Библии. Требуется обновление ума, которое поможет преодолеть дискретность нашего западного сознания. Из этой идейной реформации может родиться иная практика христианской жизни и иное служение.

Концепции всеобщего священства и профессионального призвания сыграли большую роль в развитии протестантской этики в Европе — и тем самым создали, согласно Максус Веберу, одну из прочных опор для социально-экономического развития европейской индустриальной цивилизации. При этом в ряду восстанавливаемых богословских оснований

для Лютера, Кальвина и других реформаторов эти идеи не были первостепенными. Более того, эти реформаторы, скорее всего, открестились бы от своего «вклада» в возникновение индустриального общества.

В разговоре о всеобщем священстве Лютер подчеркивает духовность труда христианских князей, ремесленников и крестьян: «У сапожника, кузнеца, крестьянина... есть свое ремесло, должность и дело, и все же все они в одинаковой мере являются посвященными священниками и епископами»².

Однако при этом больший акцент он делает на потенциальном праве всех христиан производить священнодействия, под которыми подразумеваются таинства, исполняемые священниками. Лютер подчеркивает, что «в случае необходимости каждому дозволено крестить и отпускать грехи»³ и что христиане в случае необходимости сами могут избрать из своей среды священника для проведения мессы, проповеди и прочих видов церковного служения. Но Лютер становится менее «демократичным» в этих вопросах, осознав глубину невежества простых крестьян-христиан после крестьянских восстаний.

Тема профессионального призвания стала удобным практическим ответом на вопрос об основаниях социальной стабильности и нравственной ответственности христиан за свой труд. Не поднявшись на достойную ей богословскую высоту, принцип всеобщего священства был разменен на общественно-полезную протестантскую трудовую этику. В результате Церковь, при декларируемом всеобщем священстве, продолжает жить и служить в парадигме особых священнослужителей и «не-особой» паствы. Одно из главных последствий продолжающегося деления на клир и мир — это малое участие христиан в служении и зауженность самого понятия «служение».

В современном постиндустриальном обществе остро ставят вопрос богословского обоснования реализации личного призвания и профессионального труда как служения Богу.

Зададим вопрос в условном наклонении: а могла ли тема «всеобщего священства» стать в эпоху Реформации ключевой? Пятьсот лет назад главными темами Реформации стали пять «sola» — восстановление первичности Писания, веры и благодати, единственности Христа как

² Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации.

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php.

³ Там же.

посредника между человеком и Богом и поклонения исключительно Богу (Sola Scriptura, Sola fide, Sola gratia, Solus Christus, Soli Deo gloria). Ориентированность сознания человека на род и государство в дореформационную эпоху и на стандартизацию и массовость в эпоху постреформационную вопрос трудового и личного призвания столь остро не ставила, и поэтому тема всеобщего священства была поднята лишь до уровня благословения выше общественно признанных профессий. В современном постиндустриальном обществе индивидуализация сознания и появление множества уникальных траекторий жизни остро ставят вопрос богословского обоснования реализации личного призвания и профессионального труда как служения Богу. В этом свете тема всеобщего священства сегодня звучит по-новому.

Библейские основания для священства

Обратимся теперь к библейским основаниям. Лютер пишет: «Все мы посредством Крещения посвящаемся во священники»⁴.

Это утверждение он строит, основываясь на высказываниях апостолов Петра и Иоанна. Но идея эта не нова и для них. Новозаветная Церковь лишь актуализирует обетования, данные через Моисея еще во времена установления Закона для Израиля.

«Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым» (Исх 19:5,6).

«И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Петр 2:5).

«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр 2:9).

«И соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле» (Откр 5:10).

В книге Исход мы видим обетование, выражающее Божие желание сделать избранный народ Своим уделом среди других народов, чтобы они были царством священников. Это самый ранний библейский текст, относящийся к концепции всеобщего священства. Выполнение этого обетования обусловлено послушанием народа Всевышнему. История Израиля

⁴ Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации.
http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php.

полна непослушания и нарушений Завета, поэтому обетование остается нереализованным, и народ израильский живет со священнической иерархией, которая действует по существующей и у других народов схеме исключительности священников-жрецов.

Из-за неготовности и непослушания Израиль не поднялся к столь высокому уровню отношений с Богом как отношения всеобщего священства. А что же было дальше? После пришествия Христа избранный народ уже не нация, а Церковь. Снова происходит возврат к откровению о всеобщем священстве в святом народе, причем уточняется, что это священство царственное. Другими словами, быть и царями, и священниками — это всеобщее призвание (1 Петр 2:9, Откр 5:10).

История христианства показывает, что уже во втором веке в Церкви начинает выстраиваться священническая вертикаль. Поначалу понятия «пресвитер» (греч. «старейшина») и «епископ» (греч. «смотрящий») используются взаимозаменяемо для обозначения руководителей общин. Через некоторое время слово «епископ» приобретает смысл «смотрящий за несколькими общинами». А затем начинает употребляться и знакомое понятие «священник». Избранный народ вновь уходит от обетования о всеобщем царственном священстве и возвращается к священнической иерархии. Это обетование было слишком трудно удержать, и оно не соответствовало структуре общества, в котором жили христиане.

Мы много внимания уделили всеобщности священства. Но нельзя забывать еще об одном его качестве, которое нередко упускают из вида — царственность. Даже Лютер во времена Реформации подходит к Божьему обетованию больше со стороны священства, не удерживая двойственность царско-священнического призвания. Однако апостол не зря говорит: **«Вы — род избранный, царственное священство»** (1 Петр 2:9).

В чем заключено служение священника? Священник ответственен за трансценденцию — привнесение неба на землю, соединение земного с небесным и ходатайство за людей перед Богом. А в чем царственное призвание? Царь ответственен за управление землей и народом. Царства бывают большие, а бывают и малые. Царское призвание для христианина означает ответственность за удел, доверенный ему Творцом.

Для того чтобы увидеть укорененность царского призвания в Писании, совершим еще один прыжок — в эпоху сотворения. В самых первых главах книги Бытия мы читаем, что Бог поручил людям владычествовать на земле, мудро управлять доверенными ресурсами и заботиться об их хо- рошем состоянии.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над всею землею... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его;

мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте...» (Быт 1:26,27,28).

«И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт 2:15).

Работа как служение и служение как миссия Адама

В сознании современного христианина работа происходит «в миру», а служение — в Церкви. Многие служители в евангельских общинах отрицают, что они профессиональные служители, даже если в их арсенале имеется богословское образование. Христиане полагают, что профессионализм — слово из светского словаря. А вот служение — из церковного, поэтому служить Богу в профессиональной деятельности — это словосочетание неудобоваримое. На работе служить Богу можно только евангелизируя коллег, но не через сам процесс труда. Для многих христиан «служить Богу по-настоящему» означает рассматривать служение в Церкви как свою основную деятельность (служить fulltime — быть служителем полного времени; освобожденным служителем), все же остальное — это мирская жизнь. Мир разделен на духовную и мирскую реальность, на дух и плоть, которые друг другу противятся.

Мы даже не осознаем, насколько глубоко укоренено в нашем сознании неприятие профессионального труда как служения Богу. Дело даже не в привычке к иерархическому священству. Это неприятие идет от дихотомии духовного и материального, которая лежит в основании нашей христианской цивилизации. Дихотомия эта не библейская, она утвердилась, когда Церковь, выйдя в языческий мир, во многом восприняла древнегреческую философию — существенную часть эллинистического мировоззрения. Философия была для греков духовным занятием, позволяющим проникать в мир идей, а все относящееся к миру физическому де-факто, они считали недуховным. В рамках такого наследия труд, связанный с материальным миром, не может быть духовным по определению, — следовательно, он и не может быть служением Богу. Именно по этой причине граждане Греции и Рима считали, что работа — это удел рабов. Взгляните: и в русском языке слова «раб» и «работа» — однокоренные.

Еврейская культура, в которой родилась Церковь, была свободна от этой духовно-материальной дихотомии. Однако после выхода христианства за рамки Палестины еврейская традиция была очень быстро маргинализована, и эллинизированное христианство вскоре сузило духовность и «настоящее» служение Богу до удела новых «сугубо духовных» лиц — священнической иерархии или, на языке евангельских церквей, — пасторско-епископской вертикали. Не настало ли время восстановить

утраченную целостность богословскими методами?

В обетовании о «царственном священстве» соединены два рода деятельности — «духовное» священническое и «мирское» царское. Царственное священство — это работа «на две ставки», в которой необходимо преодолевать небиблейское противопоставление духовного и материального. Плоть, которой противится дух (Гал 5:16) — это не материя. В Новом Завете слово «плоть» употребляется двояко. Во-первых, как материя или тело — «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины...» (Ин 1:14), а во-вторых, как греховная природа в человеке, как некий принцип или закон, противящийся Божьей воле (Рим 7:18-20)⁵. Когда Бог-Сын родился, обретя физическое тело, то Он не обрел греховную природу. Поэтому дух противится не человеческому телу, а греховной природе в человеке. Осмысление явления Сына Божия во плоти в первые века порождало ереси, которые разными путями пытались втиснуть тайну боговоплощения в рамки гностического пренебрежения материей. Но Церковь пришла к исповеданию, фиксирующему, что Иисус Христос — совершенный Бог и совершенный Человек. После Своего

Неприятие идет от дихотомии духовного и материального, которая лежит в основании нашей христианской цивилизации.

⁵ Линия, разделяющая свет и тьму, проходит не по границе духовного и материального мира. Все сложнее. Противление Богу в нашей природе имеет духовное, а не материальное основание и причины. Виногато не тело и не материя, хотя при поверхностном прочтении апостола Павла мы можем сделать именно такое заключение: «... не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе», «... по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (см. Рим 7:18-20). Если однозначно идентифицировать «члены» и «плоть» с физическим телом, а «ум» и «внутреннего человека» с возрожденным духом, то греховность легко приписать материальному миру. Именно это и делали гностики, следуя платоническим идеям. Павел, однако, проводит значительно более тонкую черту, говоря о «законе ума» и «законе членов наших». Человек целостен, за наши тела, души и дух идет борьба двух духовных принципов. Божье начало в нас, Его образ в нас и действие благодати противостоят духовному действию в нас падшей природы, противостоят духам злобы поднебесной. Мы знаем, за кем будет победа в конце веков, но исход этой битвы в каждом из нас зависит от нашего свободного выбора. «Наши члены» - это не органы нашего физического тела. Павел использует слово «тело» не в современном смысле. Он говорит «Есть тело душевное, есть тело и духовное» (1 Кор 15:44). Если зло однозначно связано с материей, то правы были гностики, считавшие безумием, что Бог обрел материальное тело, родившись как человек от женщины.

воскресения Христос обладает хоть и преображенным, но материальным телом. Богочеловечность Христа требует целостности восприятия мира в единстве духовного и материального.

Материальный мир — благое Божие Творение. Работа по приведению его в порядок, работа на благо своему ближнему — это служение Творцу. Работа и есть служение, если она соответствует призванию Творца. А служение пастора, епископа и других, очень важных для жизни Церкви служителей, и есть работа, так как должно выполняться профессионально. Чтобы выполнять такую работу хорошо, нужно не только призвание, но и соответствующая подготовка.

На Четвертом Евангельском Соборе родилось понимание о двух поручениях, которые даны Богом христианам. Первое поручение, Адамово, — заботиться о земле, ведь земля нуждается в уходе и исцелении. Второе поручение, Христово, направлено на исцеление человечества, на

восстановление и раскрытие в человеке образа Божьего: **«Ступайте и сделайте все народы Моими учениками»** (Мф 28:19. Собр. перевод РБО, 2011).

Сегодня, используя появившуюся в Реформацию терминологию «всеобщего священства», нам стоит понимать, что под таким служением подразумевается не только священническое служение, но и служение царское. Нам еще предстоит осмыслить важность третьей, пророческой части этого призвания. Христос пришел как Царь, как Священник и как Пророк. Для христиан

пророческим действием является провозглашение Божьего Слова о Его Творении, утверждение Божьей воли на нашей планете и в человечестве. Пророческое слово не только эсхатологично и зовет в мир духовный. Оно раскрывает духовный смысл и замысел творения.

Материальный мир — благое Божие Творение. Работа по приведению его в порядок, работа на благо своему ближнему — это служение Творцу.

Всеобщее священство как стиль жизни

Можно выделить следующие аспекты всеобщего священства христиан:

— Призыв «священствовать» распространяется на всю жизнь христианина, и этот призыв нельзя ограничивать одной или несколькими жизненными сферами. Нельзя быть священником на работе, а дома им не быть. Основной деятельностью человека может являться работа в церкви или в офисе, работа в должности начальника или дворника. Ведение домашнего хозяйства и забота о семье не менее важны, чем исследование

космоса или пасторское служение. Всеобщее священство распространяется на все — или оно не всеобщее.

— Для того чтобы осуществлять священство, необходимо взять ответственность за себя, свою семью, за свой удел. Ответственность либо есть, либо ее нет. Ответственность нельзя взять частично. Царственное священство подразумевает заботу о своем уделе. Удел нужно возделывать и хранить, о нем нужно молиться и просить: **«Да приидет Царствие Твое», «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе»** (Мф 6:10). Ребенок не способен отвечать за себя, поэтому духовные младенцы не могут выполнять служение царственного священства, хотя и имеют это призвание и даже статус по факту рождения от Бога. Христианину нужно выйти из возраста духовного младенчества. Апостол Иоанн между детьми и отцами упоминает «отроков» и «юношей» (1 Ин 2:12-14). Духовное отрочество — это осознание и переживание отцовства Бога. В духовном юношестве христиане обретают силу и способность побеждать искушения. Божье Слово пребывает в них, но для вхождения во взрослость еще нужно научиться брать на себя ответственность. Когда человек берет ответственность, он получает и власть. Ответственное отношение к жизни — это уровень взрослого. Уровень того, кто взял ответственность за себя, за свой дом, за свою работу; кто учится управлять ресурсами и людьми и достигать поставленных целей. Это необходимое, но еще недостаточное условие для того, чтобы быть царственным священством.

— Чтобы священствовать вместе со Христом нужно со-участвовать в Его образе жизни. Познавшие Сущего — это те, кто знает Божье сердце, а сердце Божие, сердце Христа — это сердце слуги. Христос-Владыка — это Христос-Слуга. **«...Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить...»** (Мк 10:45). Он **«уничжил Себя Самого, приняв образ раба...»** (Флп 2:7). Когда ученики рассуждали о том, кто из них главнее, Христос объяснил принципы значимости в Царстве Божьем: **«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»** (Мф 20:25,26). В западной христианской лексике используется понятие servant-leader («лидер-слуга»; «служащий лидер»). Русское слово «служитель» подразумевает, что священнодействовать означает служить. А кому служить? Часто мы идентифицируем богослужение (служение Богу) с посещением церковных служб или собраний. Но Божий служитель — это тот, кто служит Богу через служение людям. Евангелие открывает удивительную взаимозависимость заботы о людях и служения Богу. В одной

из притч Христос сказал: «...**Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**» (Мф 25:40).

Служение царственного священства основывается не на страхе или желании награды, оно исходит из любви к Богу и людям. Стремясь так послужить другим, можно сделать больше, чем просят и требуют: пройти два поприща (Мф 5:41), когда просят одно, отдать куртку, когда просят только рубашку. Это не заповедь и не закон — это уровень любви, его нельзя требовать, его можно только достигать. Священнодействие — это жертва любви. Достичь уровня слуги раз и навсегда невозможно. Апостол Павел пишет «не почитаю себя достигшим» (Флп 3:13): до позиции слуги нужно возрастать постоянно.

— Для всеобщего священства очень важен фактор общинности. Нельзя быть царственным священством в одиночку, без общины веры. «ВЫ — царственное священство». Христиане могут самостоятельно служить Богу на своем рабочем месте, в домашнем хозяйстве, в Церкви. Но помимо личной связи с Богом требуются взаимоскрепляющие связи в Теле Христовом. Они могут быть выстроены по-разному, возможно даже фрагментарно и не локально, но они должны быть. Быть царственным священством — призвание общинное. Оно обращено к каждому человеку в Церкви, оно лично, но не индивидуально. Царско-священническое призвание — это служение народа Божьего, а не отдельных христиан. В высказывании «мы — царственное священство» «мы» — не безличное, как в советское время, когда «наше» означало ничье. Если мы берем ответственность, то это значит, что я в ответе за себя, за мою часть и за взаимодействие с тем, кто тоже взял ответственность за свою часть.

Какова роль общины в том, чтобы христиане достигали высоты призвания царственного священства? Этот вопрос требует дальнейшей проработки. Тем не менее, уже сейчас возможно обозначить, что:

— Община — это среда, где христианин должен узнать о своем высоком призвании, где он получит ободрение и будет вдохновлен на покорение этой высоты. Ответственность общины состоит в том, чтобы помочь человеку поверить в его призванность, понять специфику своего личного и профессионального призвания. Община помогает христианину увидеть присущие ему дары. В общине должно быть безопасное место, чтобы начать практиковаться в реализации этих даров и в служении, чтобы исправлять ошибки и взрослеть. Готовых к служению община должна «высвободить» служить — каждого «**тем даром, какой получил**», как добрых домостроителей «**многообразной благодати Божией**» (1 Петр 4:10). Требуется найти форму благословения тех, кто созрел,

чтобы реализовывать служение на своем рабочем месте, — подобно тому, как община благословляет через рукоположение тех, кто призван служить внутри нее.

— На тех, кто призван созидать общину, лежит ответственность за то, чтобы происходили процессы, описанные выше. Для этого есть особые дары, данные Церкви: **«Он даровал, кому быть апостолами, кому пророками, кому евангелистами, кому пастырями и наставниками, чтобы приготвить святой народ Божий к делу служения, к делу созидания Тела Христа»** (Еф 4:11. Совр. перевод РБО, 2001).

— Общине не следует торопиться с тем, чтобы благословлять на священническое служение всех, равно как и на реализацию царственности. Если царского сына, который по своему достоинству и призван к царствованию, допустить до управления страной преждевременно, то он наделает много бед. Ребенок, родившийся в семье священника, не может выполнять священническое служение, пока не вырастет. Духовному младенцу следует вырасти, стать юношей и потом, войдя во взрослость, поняв свое призвание и, приумножив дары, служить ими Богу во взаимосвязи с Церковью.

Где служить? В своем уделе. Удел у каждого свой и своей величины, и если христианин верен в малом, то ему может быть доверено большее. Детям и юношам начинают доверять посильную их возрасту ответственность, чтобы они, упражняясь в управлении, становились способными на большее.

Заключение

Невозможно реализовать призвание к всеобщему священству только в рамках служения внутри общины. Контекст этого великого призвания — это мир как Божие творение, которое поручено Человеку. Сначала человечество — это первый Адам, затем — народ Божий во главе со Вторым Адамом — Христом. Важно удерживать оба поручения — Адамово и Христово. Евангельские общины делают акцент на том, что каждый христианин — свидетель Евангелия, и его задача — делиться Радостной Вестью с другими. Это важная часть священнического труда по примирению человека и человечества с Богом. Церковь побуждает христианина везде быть священником как свидетелем Радостной Вести. Но без хозяйского отношения к своему уделу такое свидетельство во всей полноте не проявится. Народ Божий призван со-цар-

И профессиональный труд, и учеба, и ведение домашнего хозяйства, если подойти к ним как к служению Богу, могут быть занятиями весьма духовными.

ствовать со Христом. И это со-царствие, со-служение Христу не где-то там, на небесах, и оно не только священнодействие каждого в Церкви. Мы молимся: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф 6:10), — но исполнится ли эта молитва, зависит и от нас тоже.

Молиться важно, так как это священнический труд. Но важно и трудиться, так как это царская работа. Если хочешь услышать евангельскую похвалу: «**Хорошо, добрый и верный раб...**» (Мф 25:21), то стоит следовать древней мудрости: «*Ora et labora*»⁶. Еще древнее «**Вера без дел мертва**» (Иак 2:20,26). Христианству пора преодолеть платонический дуализм духовного и материального. И профессиональный труд, и учеба, и ведение домашнего хозяйства, если подойти к ним как к служению Богу, могут быть занятиями весьма духовными. И такой труд-служение станет нашим вкладом в утверждение воли Божией на земле как на небе, частью нашего свидетельства о Христе.

Пришло время восстановить принципы всеобщего священства во всей полноте и реализовывать их в практике жизни Церкви. Служители общин призваны готовить всех верующих на дело служения, для созидания Церкви как Тела Христова (Еф 4:12), как собрания народа святого, людей, взятых в удел, — чтобы везде, во всех сферах человеческой жизни, «**возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет**» (1 Петр 2:9).

⁶ Молись и трудись (лат.)



Михаил Черенков

О ХРИСТИАНАХ- ПРОФЕССИОНАЛАХ И ПРОФЕССИОНАЛАХ- ХРИСТИАНАХ

Молодые поколения христиан призваны соединить миссию и профессию в единой, неразделенной, естественной жизни

Христианство стало первым в истории примером общества равных, общества без классов и сословий. Но со временем возникло деление на священничество и мирян, на клир и мир. Несмотря на то, что в протестантизме это деление в явной форме было отвергнуто, в неявной, скрытой, более мягкой, завуалированной форме оно осталось и постоянно напоминает о себе — когда спорят о собственности («чья Церковь?»), когда кланы и элиты делят власть («кто преемник?»), когда возникает вопрос об авторитете («кто вправе толковать?»). До сих пор негласно считается, что есть духовная элита Церкви — «служители», чей труд относится к сфере святой, Божьей. Все остальные работают на свой живот и на хозяина, они — заложники труда и рабы капитала.

Тем самым сохраняется порочное деление на христиан-профессионалов (для кого «служение» Богу является профессией) и профессионалов-христиан (тех, кто верит в Бога, но служит Ему изредка, а в остальное время занимается неблагодатным, грязным мирским профессиональным трудом).



На самом же деле, богословски верной будет иная позиция: Богу не нужны единичные избранные, привилегированные христиане-профессионалы, которые служат лишь в храмовых стенах. Ему нужны профессионалы-христиане, которые будут служить каждый своим даром, внутри своей профессии, распространяя тем самым Царство Божье во все сферы жизни. Так меняется представление о миссии Церкви в мире. Ведь призвание в жизни и служении (миссии) — одно и то же. В современном христианстве упраздняется деление на священническое или миссионерское призвание и обычное, «мирское», профессиональное. Можно сказать (и это говорят с «праведным» гневом ревнители максимы «каждый баптист — миссионер»), что теперь миссионеров не будет. А можно сказать иначе: миссионерами станут все. Все те, кто переживает на себе чудо измененной жизни, отвечает Богу «да», а затем живет согласно этому «да», а иногда даже рассказывает об этом «да» и этом Боге.

Вот такие разные перспективы на тему призвания в жизни и миссии. Одна делит профессиональное призвание и призвание миссионерское, заставляя оставлять первое ради второго, жертвовать дарами ради долга. Вторая предлагает соединить все вместе, исполнять свое призвание как миссию, проживать жизнь как миссию.

Шейн Клэйборн, один из наиболее радикальных христиан нашего времени, высказался о призвании так: «Слово «призвание» предполагает, что нас позвали, и мы услышали голос Божий. Многие глубоко несчастны в своей профессии, потому что они не прислушались к голосу Бога. И

Нам нужно не только «спасение душ», нам также хочется полноценной жизни в результате «спасения».

многие христиане не живут полнокровной духовной жизнью по той причине, что не знают о своих дарах и своем предназначении; такие люди часто занимаются спасением душ вместо того, чтобы преобразовать жизнь людей и сообществ, пользуясь своими дарами и дарами окружающих. В результате у тех и у других возникает ощущение пустоты и усталости»¹.

Нам нужно не только «спасение душ», нам также хочется полноценной жизни в результате «спасения». Ведь спасение не конец, а только начало, спасают не только от жизни настоящей, но для жизни настоящей, подлинной, счастливой, многообещающей. И потому без призвания и связанных с ним даров никак не обойтись, полноценную жизнь не прожить.

Христианское призвание наделяет особым смыслом все «обычные», «естественные» способности человека, благословляет его ум, творчество,

¹ Клэйборн Ш. Путь. — М.: ЭКСМО, 2010. — С. 124,125.

общественную активность. Миссия христиан — не избавление души от мира, но спасение, преображение души, а затем — и преобразование окружающего мира.

Современные христиане не могут не задавать себе сложные вопросы, почему общество устроено так, что грех в нем провоцируется и поощряется, что кто-то от него умирает, а кто-то на нем наживается. «Спасение» связано с социальной и профессиональной деятельностью и тут же в ней проявляется.

Мой друг Тарас Дятлик — преподаватель и ученый-исследователь, но, как положено каждому баптисту, он обязан заниматься и «миссионерством». Размышляя об этой обязанности, он пришел к таким выводам: «Каким будет миссионерское служение евангельских христиан в первом веке третьего тысячелетия? На этот вопрос должна ответить не Церковь в общем, не наш пастор (или священник), а каждый из нас, каждый, кто называет себя христианином, каждый, кто является членом поместной церкви. Наше призвание как христиан — быть свидетелями Иисуса Христа, быть миссионерами Бога в любой сфере своей личной жизни и профессиональной деятельности»².

Христиане не перестают говорить о «спасении» души, но теперь они понимают это спасение в тесной связи с социальной и культурной реальностью, выражают это на понятном языке своей социальной среды, показывают на своем примере последствия этого «спасения» для их личной и профессиональной жизни.

В свою очередь, людей, недоверчивых к высоким идеям и правильным идеологиям, также интересует не только внутреннее «спасение», о котором любят рассказывать христиане и которое сложно проверить, но проявления этого спасения в жизни людей. Чем отличается христианин-педагог (юрист, медик, депутат...) от своего коллеги-нехристианина? Как внутренняя трансформация личности, называемая «спасением», «встречей с Богом», «обращением», проявляется в профессиональной этике, гражданской позиции, качестве труда, атмосфере в коллективе, принятии решений?

Этот сдвиг в понимании призвания и миссии стоит зафиксировать и осмыслить. Молодые поколения христиан призваны соединить миссию и профессию в единой, неразвоенной, естественной жизни. Это не повинность, не навязанная удручающая сверхзадача — это жизнь. А жизнь одна, и ее деление на церковную и светскую, на миссионерскую и профессиональную будет искусственным.

² Дятлик Т. Ошибочные взгляды христиан на миссионерское служение. (<http://risu.org.ua/ua/index/blog/~dyatlik/45846/>)

Итак, можно и нужно звать людей в Церковь. Но не стоит отделять ее от общества или выделять в сугубо «духовную» сферу. Вместо этих делений стоит подумать о том, как христианские истины и ценности, хорошо известные в Церкви и хранимые в ее стенах, могут проникнуть за ее пределы, выразиться в приемлемых формах для внешних людей, для всех общественных структур. Миссионеры должны и дальше звать людей в Церковь. Но лишь профессионалы смогут принести свидетельство Церкви к людям, в их семьи, аудитории, коллективы, сообщества. Лишь благословляя все многообразие призваний, Церковь может посредством их присутствовать в мире, быть с людьми, быть внутри их жизни и уже изнутри ее трансформировать.



Александр Байдак

НОВОЗАВЕТНЫЙ АРИСТОКРАТИЗМ

Нравственный долг человека состоит в том, чтобы заботиться о духовном возрастании собственной личности, и эта забота является залогом возможности нравственного поведения. Существующая тенденция уничтожения образа человеческого, идущая от бл. Августина как констатация факта — «бессилие плененного грехом человека». Его знаменитое выражение «не мог не грешить» имеет в своей основе не христианское, но скорее ветхозаветное представление о полном ничтожестве человека. **«Что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным?»** (Иов 15:14), и еще: **«И как человеку быть правым пред Богом, и как быть чистым рожденному женщиною? ... Тем менее человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль»** (Иов 25:4,6). Напротив, евангельские слова об аристократической избранности Христом, произнесенные апостолом Петром, обязывают нас, как «обязывает благородство», блюсти в своей жизни образ и подобие Божие. **«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий»** (1 Петр 2:9,10).

Согласно сказанному, каждый христианин призван быть священником! Что имел в виду Петр, говоря такие слова? На протяжении двухтысячелетней истории Церкви представление о



Нравственный долг человека состоит в том, чтобы заботиться о духовном возрастании собственной личности.

всеобщем священстве претерпело значительное искажение, и потому современные христиане не всегда адекватно воспринимают это утверждение Петра. Даже великий реформатор Католической Церкви, Мартин Лютер, в своем сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации», выступивший с призывом к всеобщему священству, не предложил в полной мере

библейского понимания этого вопроса. Да и в современной религиозной жизни очень мало рукоположенных священнослужителей на практике признают и реализуют принцип священства всех верующих, а тем более — осуществляют его в своей практике. А о прихожанах или рядовых христианах и говорить не приходится.

Чтобы яснее увидеть новозаветное откровение о всеобщем царственном священстве христиан, необходимо обратиться к ветхозаветным прообразами. Бог дает Своему народу обещание: **«Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым...»** (Исх 19:5,6). Эти слова Господа почти буквально цитирует апостол Петр: **«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой...»** (1 Петр 2:9). Всеобщность священства богоизбранного израильского народа подтверждает и пророк Моисей: **«Ибо ты народ святой у Господа Бога Твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле»** (Втор 14:2).

В этих отрывках мы видим цель избрания и призыв к осуществлению всеобщего священства всем Израилем, но на практике только колено Левино было допущено для служения при храме, а семейство Аарона — для священнодействия при скинии.

Из истории Израиля мы видим, что обетование всеобщего священства не смогло исполниться в полной мере. Оно так и осталось обетовани-ем с эсхатологической перспективой. Причины, по которым Божье обещание Израилю не исполнилось — страх и неверие. Призыв взойти на гору, чтобы принять достоинство быть царством священников испугал евреев, и восхождение на гору они доверили Моисею и его близкому окружению. И это стало для них началом падения, неким провалом в исполнении обетования. И тогда возникло священство как отделенная от народа каста избранных-жрецов. Они священнодействовали лишь внутри своего народа, а Господь хотел их сделать священниками для служения народам всей земли. Ситуацию не смог изменить даже бунт двухсот пятидесяти мужей,

начальников общества, людей именитых, во главе с Кореем, Дафаном и Авироном (см. Числ 16:2). Эти события завершили попытки преждевременного осуществления принципа всеобщего священства. Для Израиля как для избранного народа — это обетование совершится в конце времен. Таким образом, было особое священство, закрытое и недоступное для народа, отделенное от него невидимой, но непреодолимой границей. Царственное священство всего Израиля в Ветхом Завете остается обетовани- ем, а не исполнением.

Священническое и царское служение в Ветхом и Новом Заветах

Говоря о царственном священстве, необходимо также рассмотреть функции царей и священников. Священническое служение в Ветхом Завете совершалось священниками только при храме и только с помощью специально предназначенных для этого служения сакральных предметов. Все остальные функции священника не рассматривались как священнодействие, хотя он выполнял служение и вне храма. В обязанности священников входило: хранить ведение, знать закон и учить ему народ, предстоять пред Господом и служить Ему, благословлять именем Его, совершать жертвоприношения (воскурения), очищать жертвами народ, вопрошать Господа через Урим и Туммим, отделять чистое от нечистого, определять проказу, выявлять неверность жен и т.д.

В служение царей входило: ведение войн, исполнение обязанностей главнокомандующего, занятия геополитикой, строительство городов и укреплений, судебная власть, сбор налогов, внешнеэкономическая деятельность и многое другое. Если выразить одним предложением, то будет выглядеть так: *«Превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране»* (Еккл 5:8).

В Новом Завете царственным священством стали христиане, которые раньше были чужды всех обетований, потому что не принадлежали к Израилю этнически. Теперь любой человек, становясь членом Церкви, является избранным народом Божиим. Теперь этнический принцип, по которому был избран ветхий Израиль, заменен принципом принадлежности к Церкви, в которой *«нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»* (Гал 3:28). Всеобщее священство Нового Завета стало возможным для людей нееврейской национальности благодаря только Иисусу Христу, и только Ему. В иудейском сознании священство тесным образом связано с храмом, и без храма оно существовать не может. Но в Новом Завете храмом является Тело Христа, Церковь, состоящая из *«живых камней»* (см. 1

Петр 2:5). Членство в поместной церкви осуществляется через таинство рождения свыше, подтвержденное посредством водного крещения, а духовная жизнь верующего осуществляется посредством участия в церковных таинствах. Таким образом, христиане возрастают в благодати, хождения в святости и угождении воле Божьей в греховном мире.

Воплотившийся Бог-Сын исполнил весь замысел Отца о Своих чадах, став Первосвященником, Царем и Пророком. Для Церкви снято покрывало со святыни, грань преодолена, пропасть заполнена, и весь народ введен в святилище. Через это вхождение в храм Тела Христа (см. Ин 2:21) новозаветный народ стал царственным священством. Теперь доступ в святилище открыт всем, кто верой принимает жертву Христа.

Как в Ветхом Завете до священнического возраста необходимо дорасти (см. Числ 4:43), царского достоинства необходимо достичь — *«сын царя должен стать царем»* (см. 2 Пар 23:3).

Всеобщее священство и задача служителей в церковной общине

Священнодействия связаны со служением Богу и людям. Даже в церкви не все служения носят сакральный характер. Но все служения являются священнодействием, если они соответствуют Писанию, направлены на поклонение Богу и приносят пользу людям. Поэтому любое служение христианина в церкви или вне церкви, считается священнодействием, если совершается только действием духовных даров: **«Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией»** (1 Петр 4:10). Среди этих даров есть и дар управления, к которому, в первую очередь, и относится епископское служение, а также — дар вспоможения, который соответствует служению дьякона. Основная задача пастырей (равно как и других служителей пятигранного служения (см. Еф 4:11)) — подготовить каждого христианина для служения как внутри общины, так и вне ее, теми дарами, которыми Дух Святой его наделил. «Сугубое» священство пастырей-епископов — это служение соответствующими дарами. Согласно этому пониманию, право совершать установленные Церковью таинства имеют не все христиане, но ради устройства и порядка в поместных церквах сложилась вероучительная практика. Рукоположение в Новом Завете — это констатация призвания человека и подтверждение этого призвания со стороны старших служителей и/или общины, а не передача помазания для служения, как это было в Ветхом Завете.

Царственное служение и миссия Церкви в мире

Призвание быть царями и священниками тесно связано с осуществлением миссии Церкви в мире. Общая задача священников и царей состоит в том, чтобы быть заступниками за народ и заботиться о его благосостоянии.

Священникам было поручено разбирать дело народа, определять, что хорошо и что плохо, отделять чистое от нечистого и т.д. Царям поручено быть судьями, выносить правильные вердикты, издавать указы, т.е. быть ответственными за происходящее.

О призвании и обязанностях священников и царей мы подробно говорили в разделе «Священническое и царское служение в Ветхом и Новом Заветах». Здесь лишь подчеркнем, что и те, и другие несут всю полноту ответственности за происходящее с вверенным им народом, и даже более того — за происходящее в мире, над которым Бог поставил человека царем.

Так же и Церковь, находясь в миру, ответственна за выполнение своей миссии в нем, как **«Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины»** (1 Тим 3:15). Она является хранителем истины: **«Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа»** (Мал 2:7). Она судит, что хорошо и что плохо, потому что эта власть дана ей Богом: **«Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»** (Мф 18:18).

Функции священства Ветхого Завета — образы для служения новозаветных верующих. Мы призваны быть носителями Духа Божьего во всем, что мы делаем, и тем самым через священнодействие в повседневной жизни открывать Бога тем, кто Его еще не познал. В Ветхом Завете священник — это посредник между Богом и народом, который мог входить в присутствие Бога и ходатайствовать за народ. Так и сейчас должен быть ходатай за людей, которые сами по себе «мертвы по грехам и преступлениям» (см. Еф 2:1), а потому не могут прийти в присутствие Бога. Им необходим посредник, и таковым является Иисус Христос, Который, незримо присутствуя в Своей Церкви и действуя Своей благодатью через Своих служителей, совершает священнодействия, ходатайствуя за людей перед троном Всевышнего. Он Один есть посредник между Богом и людьми.

Как уже упоминалось, сакральными были не все действия ветхозаветного священника. И в Новом Завете не все действия и священнодействия имеют сакральный характер. В Ветхом Завете священным считалось все, что происходило в храме, в новозаветные времена священным считается все то, что происходит внутри храма (сердца/духа), где Дух Святой, соединившись с нашим духом, священнодействует и направляет человека к выполнению призвания этого человека через «дары» и «различные

Быть христианином означает не что иное, как быть священнослужителем в буквальном смысле этого слова.

дарования». Другими словами, быть христианином означает не что иное, как быть священнослужителем в буквальном смысле этого слова, ибо всякий причастник Святыни есть тем самым и ее служитель. Он прямо стоит перед лицом Божиим, общается с Богом, служит Ему, и притом не только как отдельная личность в заботе о собственном спасении, но — в силу того, что Бог есть Любовь, — он, становясь со-

причастником Христа, исполняется этой любовью. И любовь возносит служение христианина на уровень священнодействия, т.к. она черпает силу из источника, который зовется: Бог — Который есть Любовь!

Церковь, будучи живым организмом, предполагает различные функции и служения, о чем было сказано выше. Многообразие служений связано с многообразием призваний и даров Духа, которое проявляется в различных полномочиях и обязанностях, возложенных на нас Богом, а не правилами или назначениями от какой-либо земной власти. Все виды служения являются священнослужениями, и принцип всеобщего священства включает в себя и принцип всеобщего пророчества. Конечно, не всякий должен громогласно возвещать всему миру волю Божью и вести мир по пути, указанному Богом. Бог избирает быть глашатаем Своей воли, но каждому человеку Бог говорит нечто новое, что еще не было сказано другим. И в состав священнослужения входит обязанность каждого человека прислушиваться к этому тихому, неслышному для мира Голосу, исполнять Его веления, исповедовать узанную от самого Бога правду и обличать неправду. Человек, благоговейно сохраняющий откровения, живущий высоконравственно, но глухой к зову Божьему, обращенному к нему лично, уже является непокорным Богу и не выполняет священнослужение, к которому призван.

В заключении о всеобщем царственном священстве можно сказать следующее: благодатное священнослужение невозможно без любви. Именно любовь есть счастье служения *другому*, благоговейное восприятие *другого*, осознание абсолютной ценности любимого, радостное приятие всего его существа, вопреки всем его недостаткам. Когда Божий служитель силою любви проникает до самой сути личности *другого* как образа и подобия Божия, то через служение этому *другому* он переживает расцвет своей души, полет творческой силы и ощущение полноты собственного бытия.

Конечно, никому нельзя предписать — «ты должен любить». Любовь свободно проистекает из Духа и изливается на другого, захватывая и любящего, и любимого. И обрести эту способность быть счастливым здесь, на земле, возможно, лишь служа другим, как обязывает благодетство.



Левон Аршакуни

ВКУС ЛЮБВИ

Попробуем честно раскрыть такое понятие как всеобщее священство, максимально используя здравый смысл. Под честным рассмотрением вопроса обычно понимается установка доходить до предела глубины вещей, чем нам и предстоит заняться. Но это — честность ума, а не сердца. Честность сердца в таком анализе состоит в том, чтобы не принимать в расчет «правильные рассуждения», если в них нет любви. **«Если говорю я языками земными и ангельскими, а любви не имею, то суть я медь звенящая или кимвал звучащий»**¹. И на уровне сердца нам нужно признать, что все наши рассуждения, даже движимые самой горячей верой, есть гордость ума, если нет в нас любви. «Господи, прости, что согрешил я в изыществе ума моего», — обращается к Богу в молитве Блаженный Августин.

Именно «честность любви» делает мышление христианским. Без этого любые рассуждения обязательно содержат ошибку «гордости ума», о которой говорит Августин. Чтобы избежать этого, необходимо признать, что человек сам по-настоящему не мыслит, что он — всего лишь проводник Божественной мысли и любви Господа в такой форме. Тварный ум человек может комбинировать уже известное, наше эго с радостью «выдает» и навязывает миру то, что ум знает. Но всякая по-настоящему новая и неожиданная мысль приходит в наш ум свыше, как благословение и благодать.

¹ 1 Кор 13:1

Что такое священство?

Прежде чем говорить о всеобщем священстве, необходимо разобрать, а что же такое собственно само священство? В самом обыденном понимании священство — это прежде всего священники. А кто такой священник? Если оставить дискуссию о рукоположении и рассмотреть практическую сторону вопроса, то какая специфическая деятельность делает священника священником?

Первое, что приходит на ум, — это то, что мы видим в церкви: священники совершают таинства и богослужения. И получается вполне «здоровый» вывод, что священники — это те, кто, пользуясь полученными «дарами духовными», совершают особую священную работу. И на первый взгляд все просто: при таком подходе тезис о всеобщем священстве означает, что любой человек может совершать таинства и богослужения и что никакой специальной «санкции» для этого не нужно.

Но получается очевидная честному сердцу ошибка. Таинство совершает Дух Святой, а не священник. Конечно, священник играет в свершении таинства определенную роль, может быть, даже важную, — но не ключевую. Ключевое действие — это действие Бога, священнодействие. И нам нужно честно ответить на вопрос, а что такое священнодействие? В какой мере священник или любой другой человек может участвовать в священнодействии?

О священнодействии и священнослужении

В Ветхом Завете священным называется отделенное для Бога, пожертвованное Богу. Священное отделяется от мирского, священное — это отданное в жертву Богу. И в этом смысле священники по чину Аарона — это те, кто «отделен от мира» для Бога. И когда с этими «священными вещами» что-то делают — это можно «честно» назвать священнодействием.

Но такое восприятие в корне неверно. Кто свят? Бог. Тогда Священное Действие — это Действие Бога, Действие Духа Святого. Об этом совершенно ясно сказано в Писании: *«Дух дышит, где хочет»*². Бог может действовать через что угодно: через священника, проводящего Таинства, через простого человека, даже через терновый куст и через ослицу. Человек, терновый куст и ослица в этом контексте есть просто средства, через которые действует Дух. Рассуждая в этой же плоскости дальше, можно сказать, что в священнодействии, в действии Духа Святого, человек вообще никакого участия не принимает, он всего лишь «вещь», тварь, прах

² Ин 3:8

земной, через который Дух действует. А в чем же здесь заключается служение человека? Не абстрактного человека, а человека как конкретной личности?

Как мне лично служить Богу? Что для этого мне необходимо делать? Как можно способствовать действию через меня Святого Духа? Именно такие вопросы приближают к пониманию сущности священнослужения. В этом и заключается суть рассуждений о всеобщем священстве.

На вопрос «Что делать?» можно ответить лишь в том случае, если мы знаем, кто мы, в каком мире живем и куда хотим попасть. Если у нас есть ответы на три последних вопроса, то становится ясно, и что делать.

Здесь нам нужно глубокое «знание веры», настоящая укорененность в картине мира. Нам-необходимо признать, что все в этом мире не только сотворено, но и по сей день творится Господом, что Бог не «удалился на облако», когда сотворил мир. Нужно увидеть, что Он продолжает творить этот мир, что **«ни один волос не упадет с головы без Его воли»**³. Увидеть, что, как писал Иоанн Кронштадтский, «им мы, дышим, живем, движемся и существуем»⁴. Такое видение означает, что любое наше человеческое — «мелкое и тварное» — действие не происходит само по себе. Мы ничего не можем сделать сами, без Бога. Все делает за нас Он. Мы не можем «сами» даже поднести ложку ко рту, это действие совершает не наша рука, потому что рука — всего лишь инструмент. И это — не действие нашей воли, воля — тоже всего лишь инструмент. И, наконец, это не действие нашей души, душе присущи лишь желания. Все силой Господа совершается. Он есть Причина, по которой все, что начало быть, продолжает быть.

Он Великий Труженик, а мы — всего лишь Его дети. **«И сыны Всевышнего — все вы»**⁵. Мы просим Отца — сделай это, дай то, поднеси ложку к моему рту, а Он по великой Любви Своей исполняет наши просьбы. Но мы считаем, что все делаем «сами».

И Отец наш лучше знает, что нужно сыну, как развить его способности, как раскрыть тот образ и подобие Отца, который есть в человеке.

Этот мир — не то место, что уготовано нам навеки. Нам предназначено Царство Божие, обитель Отца. **«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»**⁶. А этот мир — всего лишь «тренажерный зал», куда мы на краткий срок приходим «упражняться», любовью, милосердием и терпением исправляя в себе последствия первородного греха. А Господь по милости Своей посылает нам трудности,

³ Мф 10:30

⁴ Иоанн Кронштадтский «Моя жизнь во Христе», Т. 2, С. 1426.

⁵ Пс 81:6

⁶ Мф 6:33

испытания в жизни. Да, это проявление Его любви к нам, а мы зачастую не очень хотим «упражняться», хотим только услаждать свою плоть — наше тело и наш ум, только удовлетворять свои потребности.

Как сын служит своему отцу? Как же маленький мальчик это делает? Он играет в игрушки, когда есть на то воля отца, ходит на тренировки и в школу, когда отец велит, преодолевает сложности, которые отец из любви своей поставил перед ним, выполняет его прямые поручения. Взрослея, сын учится помогать отцу делать настоящее дело — любить людей и этот мир. **«Ибо так Господь возлюбил мир»**⁷.

Хороший отец всегда дает своему ребенку определенную свободу, но ограничивает ее строгими рамками дисциплины, иначе, это будет не свобода, а вседозволенность. По мере того как ребенок подрастает, отец расширяет эти рамки — в противном случае сын вырастет человеком безвольным, не умеющим брать на себя ответственность. Любви много не бывает, но любовь без ограничений превращается в попустительство, развращает.

И свобода человека, его настоящая свобода — это принять Его волю, принять трудности, которые посылает Отец, — как свои задачи. Задачи, которые надо решить. А не как проблемы, которых хочется избежать.

Это и есть настоящее служение — решение задач, которые ставит перед нами Бог. Эти задачи поставлены Богом не в церкви, там мы не проводим даже пяти процентов своего времени. Эти задачи мы получаем в семье, на работе, в обществе.

На достижение поставленных целей, на выполнение обязанностей человека, на осуществление его предназначения Отец дает Свою силу. Именно Его силой мы и выполняем Его задачи, выполняем свои обязанности. И тогда **«иго Мое благо, и бремя Мое легко»**⁸. Проявление Божьей силы через наши действия — и есть священнодействие. А наши человеческие усилия, в которых мы отдаем, жертвуем наше тело, наш ум и время на выполнение наших обязанностей — и будет нашим служением, нашим посильным вкладом в священнодействие.

**Настоящее служение —
решение задач,
которые ставит
перед нами Бог.**

Получается, что священнослужение — это сознательное принятие и решение человеком задач, которые ставит перед ним Отец. А суть нашей жертвы — любовь к Отцу, и силой этой любви совершается в этом мире все. И священная сила, которой Он действует через нас — это любовь, ибо Он есть Любовь.

⁷ Ин 3:16

⁸ Мф 11:30

Но не все, что человек делает, он делает для того, чтобы выполнить Его волю. В современном обществе желания человека чаще всего вменяются социумом. Человеку со всех экранов твердят, чего же ему нужно желать. И далеко не всегда эти слова — голос Бога, действительные обязанности человека. Конечно, человек может вмененные желания пытаться исполнять, но есть два существенных препятствия.

Во-первых, что не предназначено человеку, от того Господь оградит. Горячо желаемое действие, которое жестко препятствует выполнению предназначения человека, он просто не сможет выполнить. Силенок не хватит. Или даже ему просто в голову не придет исполнять эти желания — как не придет в голову ребенку баллотироваться в депутаты Государственной Думы, а если и придет, то вряд ли из этого что-то выйдет.

И второе препятствие: все то, что не является прямыми обязанностями человека, которые даны ему Богом, не может выполняться с любовью, и поэтому не приносит душе человека ощущения наполненности и счастья.

Это очень важно для понимания сути священнослужения. Служение — есть принесение человеком в жертву самого себя полностью, без остатка, что возможно лишь в той любви, посредством которой Господь действует через него. Священнодействие — это исполнение своего долга, выполнение своих, и только своих обязанностей. Выполнение чужих обязанностей и достижение вмененных социумом желаний не может совершаться силой чистой любви, и поэтому не приносит душе насыщения. Есть четкий критерий настоящего служения — «вкус любви», переживание божественного блаженства, остающийся в душе, как бы сложно и некомфортно ни приходилось во время самого служения. Этим вкусом невозможно пресытиться, как это бывает со всеми мирскими удовольствиями. Это чувство наполненности и счастья — **«сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут»**⁹. К поискам именно таких сокровищ и призывает нас Господь. Именно такие сокровища и значат что-то в Царствии Небесном.

Если после служения у нас не остаётся «вкуса любви» — значит, мы служили не Господу, а кому-то или чему-то другому: своему эго, рекламе, желаниям других людей, которые мы по какой-то причине стали воспринимать как свои.

Всеобщее и сугубое священство

С таким пониманием священнослужения мы можем приступать к разговору о всеобщем священстве.

⁹ Мф 6:20

С этой позиции всеобщее священство — это признание того факта, что каждому человеку Господь из любви Своей определил предназначение и обязанности в этой жизни. И выполняя их осознанно, как служение Господу, человек становится настоящим священником — служителем Священной Любви.

Наивно понимать предназначение как «конечную точку», как некий финал, к которому приходит человек, полагая, что он выполнил долг, нашёл своё место в мире. Предназначение — это путь, траектория движения от рождения до смерти, и любой момент отпущенного нам времени предназначен для определенного дела. В этом конкретном моменте настоящего, здесь и теперь, у нас всегда есть дело, служение, к которому мы предназначены именно сейчас. В девяносто девяти процентах случаев такое служение заключается в совершенно обыденных, повседневных делах: работе, обязанностях мужа, жены, сына, друга, гражданина и так далее, исполняемых как служение Господу, а отнюдь не в «подвигах веры». Это наша каждодневная и вполне мирская работа. Но если мы выполняем ее как служение Господу, через нее в этот мир приходит Царство Божие.

Это и есть Всеобщее Священство — возможность все — абсолютно все — дела, которые определяет нам Господь, исполнять как служение Ему, как проявление нашей любви к Нему. Это одновременно означает, что мы не делаем ничего такого, что было бы неудобно Господу.

Предназначение — это путь, траектория движения от рождения до смерти, и любой момент отпущенного нам времени предназначен для определенного дела.

На первый взгляд, эта установка парадоксальна и совершенно недостижима. Но если признаться честно, именно в ней и заключается настоящая жизнь. И каждый без исключения человек может вспомнить моменты, а иногда и большие периоды своей жизни, когда эта «высота» была каким-то естественно-чудесным образом «взята», когда сердце насыщалось вкусом Любви и Вечной жизни. И это состояние, умом совершенно непостижимое, для образа Божьего в человеке является естественным.

Некоторым людям Господь дает особые дары — и, соответственно, особые задания. Он возлагает на них особые обязанности — то есть, здесь речь идёт уже об особом, «сугубом» служении. Для такого служения нужна и особая «квалификация» души, без которой такую работу не выполнить. Слово о подобных дарах и служениях мы находим у Павла в Первом Послании к Коринфянам¹⁰.

¹⁰ 1 Кор 12

Выполнение особых обязанностей — например, обязанностей апостолов, епископов, учителей и пророков, тоже является священнослужением. Но доступно такое служение, очевидно, не всем: **«Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы?»**¹¹.

Всеобщее священство как образ жизни

Девяносто девять процентов священнослужения в этом мире происходит не в церкви, не во время свершения церковных таинств, не на богослужениях и не в песнопениях. Священнослужение — это таинство любви, оно происходит «имманентно» в совершенно обыденной, повседневной жизни.

В этом и заключается наша великая задача — сделать свое священнослужение привычкой, образом жизни, чтобы вся наша жизнь стала священнодействием.

Господи, вразуми нас видеть наше предназначение! Очисти сердце наше, дай ему силу желать исполнять свое служение! И спасибо Тебе за ту Любовь, которой наполняются наши сердца, служа Тебе!

¹¹ 1 Кор 12:29



Игорь Божко

ЖИВОЙ МАНИФЕСТ

Всеобщее священство — это прежде всего Евангелизация мира словом и делом. То есть открытое и свободное сотрудничество верующих в решении социальных, этических, интеллектуальных задач, предложение ответов на вызовы стремительно усложняющегося мира.

Всеобщее священство — один из главных принципов реформатской теологии, согласно которому каждый верующий является священником, может совершать Таинства, проводить богослужение, принимать исповедь, проповедовать. Противоположностью такому церковному устройству является широко распространенная в христианстве клерикальная модель, сформировавшаяся еще в ранней Церкви, с выделением духовенства в особое сословие и его неизбежным отчуждением от мирян.

В противовес клерикальному укладу вопрос всеобщего священства был с особой остротой поднят в трактате Лютера «К христианскому дворянству немецкой нации». В основе доктрины Лютера лежит призыв упразднить искусственно сложившееся в Церкви разделение на мирян и духовенство.

В качестве библейской аргументации в пользу всеобщего священства чаще всего приводят слова апостола Петра: «Вы — род избранный, царственное священство...» (1 Петр 2:9). Но справедливо будет сказать, что все-таки главным аргументом и живым манифестом этой социодуховной



Иисус из Назарета — не левит, не книжник, не храмовый священник. Он плотник и сын плотника.

инновации выступил Сам Основатель христианства — Иисус Христос.

Уже само по себе показательно, что Всемогущий Бог, имеющий неограниченные возможности, воплощается в ограниченном человеческом теле, избирает для Своего воплощения на земле провинциальный город, простую небогатую семью, а в качестве занятия — обычное ремесло.

Иисус из Назарета — не левит, не книжник, не храмовый священник. Он плотник и сын плотника. Новый Первосвященник — выходец из народа, как говорится, «свой парень».

Как это было?

Молодой мужчина незнатного происхождения, без образования, без статуса раввина или священника, без поддержки семьи и друзей берет на себя ответственность говорить о преобразовании веры Божьего народа, предлагает пересмотреть ее богословские основания и перейти на совершенно новый смысловой уровень отношений с Богом, отказавшись от многочисленных обрядов, формального исполнения Закона, а тем самым — упраздняя целый класс жрецов и связанную со всем этим систему жертвоприношений.

Иисус, не смотря на свое незнатное происхождение, берет на Себя смелость призвать людей задуматься, во что они верят. Он спрашивает, как люди понимают содержание своей веры, что считают в ней самым важным, а значит, спрашивает и о том, как они понимают и переживают Бога. Что думают о Том, Кто дал порядок отношений и закон иудейского общества, тем самым утверждая право любого человека задаваться такими вопросами, иметь свои личные суждения и откровения. Иисус пробуждает и благословляет сами размышления на эти темы. Самостоятельное, независимое мышление Иисус провозглашает как новую форму познания Бога, называя ее поклонением **«в духе и истине»** (Ин 4:23). А главными способами служения Он полагает прощение и любовь к ближнему.

Впервые о Своей Церкви и ее основании в Евангелии упоминается, когда Петр говорит Иисусу о своем личном прозрении, которое, впрочем, Христос Сам же и провоцирует вопросом: **«...За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?»** (Мф 16:13). Очевидно, что именно эту, разбужденную и подготовленную Христом способность каждого человека воспринимать откровения свыше непосредственно от Отца, Иисус кладет в основание Церкви. **«Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это,**

но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:17-18).

Впредь служить Богу и приносить Ему жертвы может каждый, а не представитель какого-то одного сословия.

Перемену религиозной парадигмы символизирует и разорвавшаяся в момент распятия Христа завеса в Иерусалимском храме. Отныне доступ во Святую Святых открыт для всех и каждого, кто готов принять этот вызов — заглянуть по ту сторону символа, текста, обряда. Слово, проводник божественных идей и воли, заменив ритуал, стало главным посредником между Богом и человеком. Новый Первосвященник больше не жрец, но прежде всего — Мистик и Богослов, живущий в соответствии с иной этикой, носитель иных ценностей.

Другой человек, будь он даже «профессиональным священником», не может вместо меня молиться, за меня думать, прощать, поддерживать с окружающими отношения любви. Не может он вместо меня верить и, в конце концов, вместо меня спастись! Все это могу и должен делать только я сам. Бог становится личным Спасителем каждого, вера — личностной, связь с Богом — индивидуальной, христианство — глубоко личной, персональной религией.

Таким образом, Сын Человеческий берет на себя функции священника, пророка и царя: как Первосвященник, Он изменяет форму богослужения, как Пророк провозглашает волю Божью и как Царь наделяет новым статусом священства всякого верующего.

Иисус Христос — это Евангелие в действии. Он не столько говорит о всеобщем священстве, сколько реализует его. А затем наделяет этим правом Своих учеников. К слову, среди них также не было «профессионалов культа». Так, главой Церкви на земле Иисус оставляет Симона — просто-го человека, показывая, что на этот раз изначальный замысел Творца о всеобщем священстве для народа Божьего не просто вновь предложен, но будет исполнен — только теперь уже во всемирном масштабе.

Быстрое распространение христианства и беспрецедентную величину импульса, который оно сообщило всей человеческой культуре, можно объяснить тем, что, помимо чувственно-символического восприятия божественного, в христианстве открываются новые возможности духовного познания: откровенное или смысловое — осуществляемое разумом, и экзистенциальное — совершаемое непосредственно волей. Эти два вида богопознания не могут осуществляться посредством только ритуально-символической системы обрядов и церемоний: они требуют вовлеченности всего человека, пробуждения его разума и воли. Иными словами, восприятия и понимания символов христианства, личной теологической

рефлексии и участия в служении. Это и есть деятельное священство в его новозаветном понимании.

Для чего это необходимо?

Суть Евангельской Вести заключается в том, что Царствие Небесное приблизилось к человекам. Оно намерено проникнуть и освятить собой все аспекты и проявления их жизни: быт, работу, деловые отношения, систему управления, торговлю, брак, образование, политику, одним словом, все, чем живут люди, а в конечном итоге — принять в себя всех принявших его.

Но как реализовать столь великую задачу через сложившийся класс официального священства, отчужденного от жизни общества, склонного к застреванию в устаревших представлениях об общественной жизни, быстро устающего от движения вперед, не поспевающего за

Суть Евангельской Вести заключается в том, что Царствие Небесное приблизилось к человекам.

постоянно возникающими новыми культурными формами и явлениями, во всем подозревающего кощунство, осуждающего все новое и непонятное? Как священству, не знающему жизнь и язык новых поколений, с ними говорить? Как донести до них Благую Весть? Кто будет встречаться с людьми в их социальной, экономической, бытовой и виртуальной реальности, кто приведет

современников к глубокой осмысленной вере?

Решение великой задачи реализации всеобщего священства станет возможным лишь в том случае, если идеи христианства станут понятны широким массам. И каждый человек, пропустив эти идеи через себя, будет реализовывать их в своей повседневной жизни — на рабочем месте, в семье, в ближнем окружении.

Чему учит история?

Люди всегда были склонны извлекать выгоду из своих знаний и умений, присваивать и монополизировать те или иные права, закреплять их за собой при помощи законов и различных институтов. Так, к сожалению, было и есть в христианстве. Веру, Божьей милостью равно доступную всем людям, наиболее предприимчивые из рода человеческого во все времена старались структурировать, усложнить и монополизировать с целью последующей перепродажи менее грамотным соплеменникам.

Так очень быстро сформировалась клерикальная модель Церкви, воспроизводящая ветхозаветную. История России красноречиво

свидетельствует о пагубности такого подхода. Мы хорошо знаем, что происходит, когда священство отчуждено от народа, когда Церковь не говорит на родном языке, замыкается в монашестве, остается непонятой народному сознанию, стремится больше к «симфонии» с властью, чем к общению с народом. Когда в России в 1917 году произошла смена власти, произошел переворот, народное большинство — а это было в основном крестьянство — с поразительным цинизмом и легкостью уничтожало все, что было связано с Церковью, отождествляя ее с той самой властью и крепостничеством, против которых восстало.

Просуществовавшее на Руси девять веков Православие за двадцать с небольшим лет было вытеснено марксизмом-ленинизмом. Почему? Потому что оно так и осталось непонятым, принятым лишь поверхностно, формально, как новое суеверие, заменившее собою язычество и в нем растворившееся.

Во Христе мы видим совершенно иную линию поведения по сравнению с представителями клерикальной модели. Он понимал, что любая власть условна и временна — реальны только человек и общество. Иисус не искал близости с представителями духовенства и власти — Каиафой, Иродом, Пилатом. Не хотел Он оставаться и элитарным, эксклюзивным обладателем знания о Боге. И не замкнулся с горсткой избранных в монастыре, не сидел на месте в ожидании приходящих. Не стремился Он и к тому, чтобы напрямую повлиять на политический и/или социальный уклад. Не претендовал на власть. Чего Он действительно желал, так это изменить «духовную ситуацию времени» (Ясперс), внутреннее пространство души человеческой. И потому Он не усложнял Откровение, а, напротив, стремился обогатить этим божественным (высшим, новым, благим) знанием всех и каждого, пытаясь разбудить и научить самостоятельной духовной жизни как можно больше людей. Он искал возможность быть понятым массами, используя для этого все доступные Ему средства выражения истины. Если мы исповедуем, что Церковь — Тело Христово, то так же должны, уподобляясь Христу, продолжать в ее служении такую же линию.

Во Христе мы видим совершенно иную линию поведения по сравнению с представителями клерикальной модели.

Нельзя забывать народную мудрость, которая гласит: «Свято место пусто не бывает».

Человечество не может и не хочет оставаться без ценностей, смысла и таинств. Если оно не найдет их в Церкви, то спрос, так или иначе, родит иное предложение. То, что теряет Церковь, вскоре подбирают другие. Так,

психоанализ нашел потерянную Церковь исповедь и активно практикует ее в терапевтических целях. Сегодня на Западе гораздо больше людей исповедуется психоаналитикам, чем священникам. Обретением смысла теперь лечит не священник, а логотерапевт или философ-экзистенциалист. О высших ценностях понятнее говорят не современные пастыри, а психологи Карл Роггертс и Абрахам Маслоу. А мистический опыт предлагает получить Станислав Гроф с помощью основанной им трансперсональной психологии.

Что делать?

Многие спросят: но как лично я, без соответствующего образования или мандата, могу реализовать данное мне Богом право священнодействовать? Ответим словами Писания: **«взирая на Начальника и Совершителя веры — Иисуса...»** (Евр 12:2).

Чем Христос спас мир? Своим воплощением и искупительной жертвой. Другими словами, любовью и прощением!

Служение Христа было направлено прежде всего на грешников, людей неверующих, отчужденных от трансцендентного и от духовных истин. Он говорил: **«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные»** (Мф 9:12). Тем, кто не верит в невидимого Бога, как узнать о Его существовании? Как почувствовать Его любовь? Как узнать о прощении и его смысле? Только при посредстве живых носителей любви и физических проводников Его милости, в общении с ними. Если верующий принимает прощение непосредственно от Бога, то кто простит неверующего? Ответ может быть только один: его простит верующий. Вот почему каждый христианин должен стать проводником и воплощением Божьей милости в этом мире — иными словами, священником Христа.

Священнодействие — это прежде всего восприятие свыше, от Бога, и трансляция иного смысла жизни, иной этики и вечных ценностей бытия тем, кто не может воспринять эти откровения иначе, чем через людей, которых они видят и знают. Активное практическое, прикладное, терапевтическое богословствование каждого человека, отвечающего на призыв к всеобщему священству и принимающего сан священника. Помогать ближним верно сориентироваться в быстро изменяющихся условиях жизни, в распознании и выборе вечных ценностей и верного пути развития — вот обязанности священства последнего времени.

Символично и то, что дар Духа Святого, сошедшего на учеников в день Пятидесятницы, сообщил им прежде всего способность говорения на

разных «иных» языках и наречиях, понятных любому сословию, этносу, поколению.

Являть миру Христа — первая и главная задача Церкви.

Церковь как физическое и социальное воплощение Христа имеет ту же миссию что и у Него — возвещать Его Царство и исполнять Его волю. Хотя Вселенская Церковь, подобно физическому телу, накладывает известные ограничения на действия Бога в нашем мире, она все же дает Ему больше возможности, чем организм одного человека. Известно — один в поле не воин. И поэтому Иисус говорит ученикам: **«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше этих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду»** (Ин 14:12). Замысел Творца состоял в том, что бы во Христе начать дело спасения, сообщить мощный импульс жизни телу человечества и его истории, вовлечь в процесс спасения самого человека и общими усилиями, синергично, в свободном сотрудничестве обеих волей преобразовать материальный мир и спасти все творение. С тех пор множество мужчин и женщин в разных странах и в различное время принявших Дух Христов, христианское вероучение и ценности, сотрудничают на ниве просвещения человечества, выполняют великое поручение Иисуса **«идите и научите все народы»** (Мф 28:19). Конечно, все они делают это по-своему, в разных местах и разными способами, на разных языках, в различных формах и с разной степенью организованности. Но взятые вместе, труды отдельных людей, каждого христианина, складываются в одно большое дело, начатое Сыном Человеческим.

Слова Христа **«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...»** (Ин 14:12) можно считать сбывающимися. Но, в то же время, очевидно, что для глобального изменения мира сегодняшних усилий недостаточно.

В современной физике разработана теория квантового наблюдателя, в которой постулируется его влияние на свойства изучаемого объекта. Эта теория, в свою очередь, привела к мыслям о возможности наблюдателя онтологического, то есть о решающем влиянии на природу и материю коллективного сознания человечества,

Помогать ближним верно ориентироваться в быстро изменяющихся условиях жизни, в распознании и выборе вечных ценностей и верного пути развития — вот обязанности священства последнего времени.

наблюдающего мир и, в результате, — бессознательно задающего его параметры.

Другими словами, если нам удастся взглянуть на мир из целостного, разумного, доброго, нравственного и ответственного сознания в масштабах большинства населения планеты, этого будет достаточно, чтобы изменились фундаментальные свойства физической природы, условия общественной жизни и наступил бы всеобщий мир и процветание, победа порядка и смысла над абсурдом и энтропией. А пока мир таков, каким мы его видим, — трижды безумный, напоминающий скорее «Замок» Кафки, чем «Утопию» Мора. И вовсе не сознание отражает действительность, а скорее наоборот. Та реальность, которую мы имеем в настоящем, отражает состояние нашего раздробленного сознания. Но такой взгляд возможен тогда, когда человек и Бог соединяются через примирительную жертву Христа.

Приходится признать, что на сегодняшний день призыв к всеобщему священству остается, мягко говоря, недостаточно реализованным даже в протестантизме, не говоря уже о конфессиях, тяготеющих к клерикальной модели. Количество общин, культивирующих и поддерживающих этот принцип, весьма мало для того чтобы оказывать заметное влияние на социум. Но даже и они не в силах объединиться. Разобщенность — хроническая болезнь протестантизма. Складывается впечатление, что многие протестантские лидеры убеждены: преумножение происходит делением. К сожалению, широко практикуются такие спекулятивные способы миссионерства как обещания по принятии веры резкого улучшения благосостояния (евангелие процветания), удержание прихожан посредством компромисса с миром сим и существенное снижение нравственных требований (христианство-light), а также другие ухищрения, которые способны дать только видимость результата. На деле такие способы миссионерства скорее дискредитируют христианство, препятствуют его распространению и глубокому проникновению в народное сознание, особенно в сознание молодежное, весьма чувствительное к фальши и неискренности.

Времени для исполнения связующей миссии у Церкви остается все меньше. Инволюция духа происходит пропорционально темпам развития технологий. Промедление обходится слишком дорого. Болезнь XXI века — экзистенциальный невроз утраты смысла жизни, который в масштабах планеты ежегодно уносит миллионы молодых жизней (в частности, наркоманов

Болезнь XXI века — экзистенциальный невроз утраты смысла жизни, порождает все большее напряжение в социуме.

и самоубийц), порождает все большее напряжение в социуме. Авторитетные социологи все чаще говорят о конце истории и появлении в современном обществе индивидуумов, обладающих всеми признаками «человека последних времен» — идеального потребителя, неспособного и недостойного шагнуть в будущее.

Все сказанное выше отчетливо свидетельствует, что одна из основных доктрин Реформации — принцип всеобщего священства — заслуживает сегодня особенного внимания, детальной разработки и как можно более скорого осуществления.



Сергей Градировский

ЖИВЫЕ КАМНИ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА

*«Кому когда из Ангелов сказал Бог:
седи одесную Меня, доколе положу
врагов Твоих в подножие ног Твоих?
Не все ли они суть служебные духи,
посылаемые на служение для тех,
которые имеют наследовать спасение?»
(Евр 1:13, 14)*

Всеобщее священство. Сила принципа эгалитаризма чувствуется в этом словосочетании.

Всеобщее священство будет покрепче всеобщих прав человека. Всеобщее священство — путь бесповоротного освобождения от рабства во всех его скрытых, в том числе, современных глянцевых формах. Всеобщее священство — величайший идеал и императив Pax Christiana. Но!.. К сожалению, все еще только в части полагания, в части надежды и веры, но не всеобщего существования, явного и бесповоротного внедрения принципа всеобщего священства в христианскую повседневность.

То, что для гражданского общества Декларация прав человека, то для народа Божьего — обетование Всеобщего священства. Из священства извлекается право, но не наоборот. И поэтому Церкви в своей внутренней доктрине куда важнее провозгласить и развернуть принцип всеобщего



То, что для гражданского общества Декларация прав человека, то для народа Божьего — обетование Всеобщего священства.

священства, чем, ради диалога с миром, издать социальную доктрину (или аналогичный документ), где, в частности, прописать свое отношение к Декларации прав человека.

Развернуть принцип всеобщего священства поверх фундаментальных принципов этого мира — значит занять подобающее место в глобальной повестке дня: сказать, не смущаясь, что идея всеобщих прав человека покоится на двух библейских истинах:

1) в каждом человеке есть искра Божья, в каждом сокрыт Лик Его, в каждом можно, а если по силам, то и должно встретить Христа; каждый, будучи личностью, по праву личности — правообладатель; поэтому основополагающее общественное право **ВСЕОБЩЕ**;

2) не биология, психология или натурфилософия приводят к праву (естественному праву мира), не что либо тварное или искусственное, ведь не из творения и рукоделия следует выводить право; право берется из Духа, из Логоса, из чего-то сообразного (хотя бы нашим человеческим представлениям о) возможности выведения Порядка; и только поэтому оно может стать **ПРАВОМ**.

Итак, идея всеобщих прав человека, покоится на **ОТКРОВЕНИИ**. Если бы это было обсуждаемой темой, признаваемым фактом, то всеобщие права человека имели бы границы, формируемые императивами Писания. Однако все не так: права человека, лишённые фундамента **ОТКРОВЕНИЯ**, не имеют границ и, в частности, границ греха. Поэтому развитие концепта всеобщих прав человека приводит к ценностному конфликту с Писанием, а, значит, и с Церковью, призванной не только нести, но и охранять Слово — Слово Благодати и Слово Закона.

Отрезвляющим примером наших дней является разворачиваемый секулярным миром проект всеобщего брака (право на всеобщий брак). Для человека Писания всеобщий брак институционализирует грех. Для человека секулярного мира — все наоборот: сопротивление этой ценностной норме рассматривается в качестве «отрыжки» христианского мышления, как свидетельство «плохо скрываемого обскурантизма», яркий пример «аморальности христианства в корне своем — в Традиции».

Священничество для мира — это профессия в ряду других профессий, и потому на эту «профессию» мир распространяет все требования секулярного толерантного общества (здесь показателен пример венчания сексуальных меньшинств). Мир уже продал данное решение во многих

церквях Запада, ибо богословы не стоят на страже, либо варясь в собственном соку, либо уступая в важнейших баталиях за умы интеллектуалам иных онтологий.

Придется признать — горько, но придется — мир куда эффективней и масштабней внедряет принцип прав человека, чем Церковь принцип всеобщего священства. Это — победа мира над нами. И явное ослабление воли христианских интеллектуалов.

Первичная клерикализация и вторичная секуляризация всеобщего священства привели к доминированию идеи всеобщих прав человека и попутно к идее креативного класса, которая извлекается не из Церкви и христианского образа мысли и жизни, а из университетов, баров, мигрантских сред и однополого сожительства (Richard Florida). Реалии таковы, что и на этой дистанции мир обошел Церковь, хотя первичный и неисчерпаемый источник творчества — Сам Творец. Раздумывая над этой проблемой, Бальтазар цитирует Гете: «Люди лишь до тех пор креативны в поэзии и искусстве, пока они религиозны; потом они начинают просто подражать и повторять, как мы повторяем древность, чьи памятники были предметами культа и стали нами имитироваться только из прихоти и игры фантазии». И дальше католический богослов приводит пример такого малоосмысленного подражания: ««Ифигения» Еврипида была драмой о почти безумном послушании Богу; в переводе Шиллера вырезана богословская концовка и тем самым [удален] весь корень...».

«Дьявол — обезьяна Бога», — говорили древние. На фоне Бога — это, может быть, и обезьяна, но на фоне человека — это Великое существо, Денница, Первенец из ангелов. Дьявол, безусловно, искусен, и для богословской мысли вопрос о его влиянии на креативность современного мира — непрост. А современный мир весьма креативен. И пусть этот мир не чтит Креатора, но он все же в сути своей вылеплен по образу и по подобию Креатора («*Creatorem caeli et terrae*»). Мир за окном чрезвычайно быстро меняется и с такой силой вовлекает в себя, что практически все, в том числе и христиане, следуют за ним — за модой, за новостями, в тренде, в мейнстриме, в суете.

Несмотря на то, что христиане помнят и чтят Творца-Креатора, они уступили лидерство творчества. Со-творить, кроме прочего, означает оставаться над миром, присутствуя в мире, ради того, чтобы длить мир как Творение, творя в нем все новое и совершенное. Причем длить с радостью и до того Часа, когда все будет скомкано и

Несмотря на то, что христиане помнят и чтят Творца-Креатора, они уступили лидерство творчества.

свернуто и брошено в **«огонь неугасимый»** (см. Ам 7:4 и само выражение Мк 9:43) или преобразовано и благословлено **«в новое небо и новую землю»** (см. Ис 34:4 и Откр 21:1, Ис 65:17).

Но кто же призван удерживать позицию над миром ради мира? Возможно, лишь те, кто в действительности священники?

Тогда зададимся вопросами: кто есть священник? И что есть священство? Здесь мы, как правило, слышим следующие ответы:

Первый. Священство — это предъявление миру святости. Святость же, *кадош* — есть отделенность. Этот образ еще ветхозаветный. Отсюда требование ритуального отделения, политика отчуждения евреев от других народов, регулирование брака, непреходящее стремление к ритуальной чистоте, представление о необходимости подготовки и поддержания особого состояния для совершения сакрального действия. Именно отделенные призваны быть **«непорочными среди строптивного и развращенного рода»**, и про них сказано: **«вы сияете, как светила в мире»** (см. Флп 2:15).

Другой ответ: священство — есть способность (на языке современно-го мира — компетенция) удерживать контакт с Всевышним, дабы возвещать **«о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет»** (1 Петр 2:9, РБО, 2011). И даже более того, есть такая «мужская работа» низводить Небо на землю, которая осуществляется в молитве, в благовестии и в деятельности — целенаправленная работа, посвященная приближению Царства Небесного. На что было дано прямое указание и мандат в ежедневной молитве «Отче наш».

Третий ответ: священство — это бескорыстная, полная усердия работа по окормлению паствы: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду...»; исполнение которой сторицей вознаградится: **«...и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы»** (1 Петр 5:2-4).

Четвертый ответ — это работа по осуществлению представительства Бога на земле с приятным обременением совершения таинств, обладающих силой отпущения грехов: **«...всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи»** (Евр 5:1).

Для прояснения некоторых концептуальных полаганий и удобства дальнейшего движения мысли стоит различить СВЯЩЕНСТВО и СВЯЩЕННИЧЕСТВО. Сделав это, мы обойдем ряд путаниц. В дальнейшем же это поспособствует реформе доктрин, что позволит сделать проповедь более актуальной, а служение — особенно в мире, но и в храме — куда

насыщенной. К тому же морфологическое богатство русского языка такое разделение позволяет осуществить безболезненно.

Итак, нам всем было предложено всеобщее священство, а некоторым из нашего числа — и сугубое священничество. Право такого предложения — только у Первосвященника Нового Завета. Священничество не перекрывает и не опосредует отношения между каждым и Всеобщим; иначе — священничество не больше священства и не вправе вторгаться в таинственную область личных отношений между человеком и его Живым Источником, если только сам человек, ища окормления, не просит помощи и совета в этих вопросах, или если только Сам Господь не скажет священнику: иди к тому-то и сделай то-то.

Это утверждение не отменяет задачу того, кто имеет пастырское служение окормлять и служить, искренне печься о своем стаде, как это делал наш Единый Учитель. Но еще раз подчеркну, важно всегда помнить, что любое священничество не больше священства, ибо всякий вступивший на земли всеобщего священства лично знает Первосвященника — **«И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня»** (Евр 8:11).

Здесь важно понять: о чем говорил апостол, вводя различие чина Аарона и Мелхиседека? О двух типах сугубого священничества? Или о том, что от Аарона, дрогнувшего и сделавшего «литого тельца», — сугубое священничество, а принятие чина Мелхиседека — суть подлинное священство, которое через жертву Иисуса по замыслу Творца становится всеобщим?!

Похоже на то, что церковная практика хиротонии — суть возрожденная израильская практика, идущая от крови и колена (Аарона и Левия), по существу, задним числом сформированный институт сакральных риз и клобуков, который вначале прилагается к институту всеобщего священства, а со временем подчиняет его себе и затем растворяет в себе. Но замысел Всевышнего точно иной: подчиненность сугубого священничества всеобщему священству в словах апостола: **«Сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его»** (Евр 7:9,10).

Священство по чину Мелхиседека — это священство навсегда, не имеющее ни начала, ни конца; это священство вне отца и вне матери, вне рода и крови, ибо сказано: **«без отца, без матери, без родословия, не имеющих ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда»** (Евр 7:3). Слова псалмопевца: **«Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека»** (Пс 109:4) — относятся не только к Иисусу, но и к каждому принявшему

Иисуса как личного Спасителя. И псалмопевец говорит об этом: **«В день силы Твоей народ Твой готов...»** (Пс 109:3). Поэтому всеобщее священство, оно же и вечное, всевременное.

Павел, разбирая титулы Мелхиседека, говорит, что он «царь правды» (в значении праведности, употребляется слово «цадик») и «царь мира» (в значении покоя, ясно звучит «шалом»). И в этом смысле нет священства вне праведности и шалома — состояний, которые столь тяжело даются всякому сыну Адама.

Ритуальная чистота в чине Аарона — ничто по сравнению с праведностью и шаломом Мелхиседека. Поэтому заповедь любви, обращенная ко всеобщему священству, поглощает все заповеди Моисея — **«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»** (Ин 13:34).

Факт, что традиционное христианское, в частности, православное священничество придерживается иной точки зрения. Оно полагает, что клир, состоящий из всех рукоположенных иереев — бывших, настоящих и будущих, — представляет собой «соборного Мелхиседека»; что, в отличие от левитского священства, священство православное по чину Мелхиседека не отделяет более от нетварной реальности та алтарная завеса, которая висела в Иерусалимском храме и была разодрана в момент крестной смерти Спасителя. Но что произнесенные слова? Войдите в православный храм и раскройте глаза: завеса, скрывающая святая святых, задернута: вот она — в образе иконостаса. Более того, легко проследить динамику как из низкой символической алтарной перегородки по византийскому образцу вырос не просто иконостас, но в некоторых наших землях иконостас,

Ритуальная чистота в чине Аарона — ничто по сравнению с праведностью и шаломом Мелхиседека.

скрывающий стену, то есть сама конструкция храма стала предполагать сокрытие «Святаго Святых» за каменной кладкой.

Другой пример из Церкви Запада, когда чествуются священники, оказывающиеся «более могущественными», чем Сам Бог: «Воздайте честь священникам, ибо они обладают властью освящать дары. — Силу освящения и рукоположения, эту чудесную власть, имеет католический священник, и только он, а не протестантские

пасторы. — Власть освящать дары, являть Тело Господне с драгоценной Кровью во всей полноте Его святой Человечности и Его Божественности в виде хлеба и вина; превращать хлеб и вино в истинное Тело и драгоценную Кровь Господа нашего, какая высокая, возвышенная, чудесная власть! Где, ради всего святого, есть еще власть, подобная власти католического

священника? У ангелов? У Матери Божьей? <...> Католический священник может не только явить Христа на алтаре, запереть Его в дарохранительнице, снова извлечь Его оттуда и протянуть верующим для вкушения, он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, покоряется здесь воле католического священника»¹.

Еще один пример, отравляющий профессиональные отношения внутри Единого Тела, — это вопрос рукоположения и его значение в дискуссии, что считать и что (кого) не считать Церковью. Вывод Михаила Дубровского четок: «С апостольской эпохой... нас связывает не длинная цепочка епископов, а личная встреча с Воскресшим, благодаря которой произошло преобразование наших жизней. — **«От Симеона Петра, служителя и апостола Иисуса Христа, — тем, кто благодаря оправданию Богом нашим и Спасителем Иисусом Христом, обрел веру, столь же драгоценную, как наша»** (2 Петр 1:1, РБО, 2011). «Более того, если вера каждого из нас — столь же «драгоценна», как и вера самих апостолов, — продолжает Дубровский, — то призвание к священническому служению становится абсолютным императивом для каждого христианина»².

Для всеобщего священства по чину Мелхиседека цепочка рукоположений (так тесно связанная с Законом) действительно ничего не значит. Об этом ясно сказано у апостола Павла: **«Ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу»** (Евр 7:19). Для сугубого священничества по чину Аарона цепочка рукоположений, напротив, является важнейшим корпоративным стандартом.

Важно помнить, что человек — существо, идущее по времени и в вечность. Посему человеку важна, в первую очередь, связь с апостольской эпохой путем личной встречи с Воскресшим: то, что пережили когда-то апостолы, можем пережить и мы. Христос — жив! Но, одновременно, мы — люди — присутствуем в истории, обусловлены культурой, обязаны языком. И этой «печали» и «земли» нам не миновать. Поэтому наша связь с апостольской эпохой не только через Христа, но и историческая, — так же, как исторично, а не только эсхатологично, время Боговоплощения. Это значит, предание, хранимое традиционной Церковью, не должно быть пустым звуком для нас, очищенных Реформацией. Взросление предполагает не отбрасывание, но размещение в нашей более богатой вселенной

¹ Из пастырского послания Зальцбургского архиепископа Иоганнеса Баптиста Катчталера от 2 февраля 1905 года; взято у Карена Свасьяна из статьи Nabemus Ramam.

² Михаил Дубровский «Всеобщее священство как вызов и необходимость».

смыслов прежде неудобоваримых. Кто из нас не переживал подлинного ученичества, когда передача духа учения осуществлялась в контакте с учителем — из рук его, из уст в уста? Зачем же отрицать опыт возложения рук от епископа к епископу?

Итак, цепочка рукоположений не должна нами отвергаться, ибо мы знаем ей место и цену, и мы знаем, что она не подменяет более важного события — встречи каждого с Воскресшим.

Сугубое священничество — это дополнительная реальность, возникающая в ситуации неспособности любого народа (избранного или не избранного, святого или дрянного) удерживать привилегию всеобщего священства. Если представить полную реализацию всеобщего священства на земле, то многим станет ясно видно, как сугубое священничество треснет, надломится и отпадет, как засохшая ветвь. Но ни Израиль, по обетованию желавший стать «царством священников» не выдержал такого напряжения — «однако как общество грешных людей, Израиль сам стал частью проблемы» (Nicholas Thomas Wright), ни Церковь не вынесла такого бремени — даже если и «врата ада» ее не одолели. Крайне быстро сформировалась клерикальная модель Церкви, повторяющая собой ветхозаветную, зримым символом чего в Православии является вышеупомянутый иконостас — явная аллюзия на завесу ветхозаветного Храма.

Саддукеи — символ тупикового развития сугубого священничества, каста, дошедшая в своем генезисе до полного абсурда, не верящая в ключевое обетование — в воскресение мертвых, абсолютизирующая закон, традицию и безопасность Израиля (оправдывающая смертный приговор Иешу га-Ноцри этой самой безопасностью). Что происходит в таком случае? — Закупорка и для себя, и для других. И потому сказано: **«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»** (Мф 23:13). Пощечина институциональному священничеству в словах Иисуса, переданных Матфеем: **«Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы...»** (Мф 9:13). Про это же изыскано написал умнейший Василий Розанов в своих «Опавших листьях. Коробе первом»: «После хиротонии, облекшись в «ризy нетления», — он оглядится по сторонам и начинает соображать доходы...».

Каждый раз сугубое священничество попускалось и вводилось как вынужденная мера. В Ветхом Завете оно учреждается Самим Отцом: **«Помажь и Аарона и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне»** (Исх 30:30). Но данный институт, обладая силой жреческой касты и инерцией человеческого властолюбия, каждый раз мутирует в подобие Левиафана, в мозгу которого нет никакого «всеобщего царственно-го священства», но трещина дихотомии клир/мир. Эта трещина сыграла с

христианами злую шутку. Первый ее член, клир — удел Бога. Второй по звучанию и замыслу — часть мира. Не часть Тела, собираемого в евхаристическом единстве, а часть греховного мира. И отныне мы все свидетели тому, как ослабленная Церковь, деградируя и страдая, рассыпается на клир и мир. Это стало полной катастрофой замысла Отца и Спасителя. Потому что важнейшую формулу католической Церкви «апостолат мирян» придется считать ослабленной формой «всеобщего священства». В русском языке слово «миряне» — уже в контрах со всеобщим священством. Печаль же следующих слов сугубый «клир» вполне может отнести к себе: **«Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!»** (1 Кор 4:8). И не один раз человеку и народу все прощалось. Ведь Он милостивый, Он — милосердный. И благодаря долготерпеливости Отца все начиналось сызнова.

Что можно считать вершиной священства? Полагаю исполнение порученного Отцом дела: **«Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить»** (Ин 17:4). Вслушаемся: порученным делом «прославил Тебя». Значит, не просто славословие, не только прославляющее песнопение и иной приятный во всех отношениях елей уст, а дело, конкретное дело, порученное Отцом. В этом — вершина священства всякой души. Принять на себя узы священства — это осознать свою жизнь как спецзадание свыше.

Даже становясь сынами, мы остаемся слугами. Всякий слуга имеет поручение. Исполнить его — значит прославить Пославшего. Именно так поступил Сын Человеческий. Так же пристало поступать и нам: каждому, как и Ему, пройти сквозь страх и боль, чтобы выйти к славе и силе.

Разве можно представить более почетную форму священнодействия? Но это значит для каждого христианина — услышать волю Отца. Вновь и вновь вопрошать, чтобы услышать ее, в тишине ли, в грозе ли, в крике и крови ли, на краю смерти ли, но услышать. Ведь что может быть краше и выше абсолютного подражания Христу?! Великий образ «подражания Христу» содержит в себе указание на священнический путь во всей его полноте: это не только подражание Его мукам и Его ранам, Его Голгофе и Его позорной смерти, но и Его славе, силе, Его радости и принятию, Его сыновству и царственному священству.

Путь к священству открывает великое Таинство Евхаристии. Ведь приняв частичку Его Тела, мы принимаем право, силу и долг священства. Причаститься Ему — причаститься Его священства. Это и есть предмет нашей веры: каждый, принявший сыновство (принявший Сына как Спасителя тем самым раскрывает свое собственное сыновство), уже реализовал право на священство, то есть имеет все необходимое для свершения

личного таинства поклонения, предстояния и соучастия в Творении со своим Отцом; уже вступил с Ним в неподражаемый и неслышимый никем сторонним диалог.

Всеобщее священство оборачивается силой к Небу. Как еще понять слова Спасителя: **«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»** (Мф 18:18).

Но на человеческих полях наряду с пшеницей растет и бурьян. На чудесном обетовании проросла теория и практика индульгенций, чтобы рано или поздно принести чудовищный плод слов Тецеля: «Как только ваша монета зазвенит в сундуке, тотчас же души ваших друзей и родственников выйдут из чистилища и пойдут в Небо!» — ведь это же законным наследникам Петра сказано: **«Что разрешите на земле, то будет разрешено на Небе»**. Именно в этот момент завеса Храма вновь задергивается, а дьявол в партере хохочет.

Священство, еще по ветхозаветному определению, — есть формирование удела Господня. Такой удел формируется не за счет политики, не за счет магии, не за счет количества тучных жертв, но любовью. Строго: сколько любви — таков и удел. Важно помнить и о жертве, и о радости любви. Жертва — вырывание из своего удела и передача вырванного в удел всея Господина. Радость — принятие из удела Господина. Прекрасная формулировка служения прозвучала в тексте Левона Аршакуни: «Если после служения у нас не остаётся «вкуса любви», значит, мы служили не Господу, а кому-то или чему-то другому: своему эго, рекламе, желаниям других людей, которые мы по какой-то причине стали воспринимать как свои»³. «Вкус любви» — кажется, это чудный плод из сада Эдема. Радость и покой в любви — послевкусие безупречного священнодействия.

Концепция всеобщего священства — вводит христиан в политику. Если священнодействием может стать всякий труд, то, несомненно, также и труд политический. Если мы видим труд политический как служение, как жертву и как форму милосердия, если мы понимаем «политический» как «согласующий разное в общежитное», как «выбирающий из лучшего достойнейшее», то большинство из нас будет искать такую политику, дабы принять ответственность не только за себя и своих близких, но и за место, город, народ, землю, страну. Во всеобщем священстве кроется сила, способная преобразовывать сферу политического. Но этот труд сильно отличается от нынешних походов во власть, карьерных траекторий, президентских кадровых резервов и показательного (многим в назидание) правоприменения по статьям закона о защите чувств верующих.

3 Левон Аршакуни «Вкус любви».

Всеобщее священство — есть оправдывающее последствие всякой реформации. Как иначе, ведь реформация — это возвращение к первичной форме и в эсхатологическом, и в историческом замысле Всевышнего, и частью этого замысла было благовестие и требование всеобщего священства. Увы, ни одна из известных нам реформаций не выполнила это требование, ни одна не завершилась всеобщим священством, что означает: ни одна так и не была доведена до оправдывающего ее финала.

Помимо необходимости исполнять поручение Отца существует и вторая сторона принципа всеобщего священства — концепция Единого Пастыря. Это выводимо из образов Писания. Церковь — есть стадо. У этого стада один Пастырь. И даже когда есть люди-пасторы (пастыри), Подлинный Пастырь — только Один. На этом настаивает и католический катехизис, не смотря на известный догмат Первого Ватиканского собора. И поэтому у евангельского концепта всеобщего священства есть обратная сторона — концепт Единого Пастыря: **«Один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья»** (Мф 23:8).

Дарованный нам Тайным Четвергом (за день до календарной Пасхи — хороший пример сдвига традиции, что постоянно совершал Иисус) образ Единого Тела, за нас ломимого, также взывает к всеобщему священству. Ведь всякое тело образуется из клеток, евхаристическое Тело из освященных Духом клеточек — живых свидетелей принятого внутрь фаворского света. И все те, из кого сформировано Тело Церкви, могут быть только таковыми — фаворскими. Таким образом, человеки с печатью священства и есть Церковь = «собрание святых». Иначе тщетна наша вера в то, что **«где двое или трое во имя Мое»**, там и есть Сын, там и есть Отец (см. Мф 8:20).

Есть такая обязанность и право у каждого христианина — непрестанно в молитве творить Его Царство. Низводить (вниз-сводить) Его Царство, Его волю, Его силу, Его славу, значит, и Его Имя, а значит, и Его Самого — с самых Небес в этот самый что ни на есть падший мир, тем самым участвуя в таинстве непрекращающегося Боговоплощения.

В древней практике христиан в качестве молитвенной формулы использовалось арамейское слово Maranatha — «Господь, приди» или краткая греческая фраза «Kyrie Eleison, Christe Eleison», первая часть которой читалась на вдохе, а вторая на выдохе (развитие этих духовных упражнений — в созерцательных практиках подвижников-исихастов). Молитва, завещанная Иисусом ученикам и направленная ко всеобщему Отцу, содержит именно эту образцовую интенцию: «Да придет Царствие Твое! ... И на земле, как на Небе...» По мне,

**Всеобщее священство —
есть оправдывающее
последствие всякой
реформации.**

здесь звучит не столько просьба (со стороны каждого из нас неоднократно читающего эту великую молитву), сколько утверждение — «осуществление ожидаемого» Царства в рамках выданного нам мандата всеобщего священства!

Иисус, покидая этот мир, просит у Отца: **«Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы»** (Ин 17:11). Каждый из нас помнит известную христианскую сентенцию: если нет любви — кто поверит, что мы — ученики Христа, если нет единства — кто поверит, что мы поклоняемся Отцу и Сыну и Духу Святому, Которые образец всякого Единства?! Горько, но мы, христиане, давно перестали быть такими, как ученики Христа. Мы бесповоротны, мы — разделенные между собой люди, все по-прежнему дети Адама.

Всеобщее священство — помимо прочего, лекарство и от этой хронической болезни человечества. Клеточки стремятся к полноте. Полнота — это всеобщий сбор и совершенное устройство в едином Телѣ. Только в таком сборе кроется событие — то, что есть **со-бытиѣ**. Поэтому каждый христианин может и должен требовать единства с другими христианами. Само церковное Тело может и должно осуществлять молитвенное и нравственное давление на клир (раз уж он попущен). То есть всеобщее священство вправе требовать у сугубого священничества исполнения Завета Единства. Снятые анафемы между историческими Церквями — уже хорошо. Но мы требуем, мы алчем евхаристического единства!

Недаром там же у Иоанна, но чуть ниже, и теперь уже четырежды (!) говорится: **«Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино...»** (Ин 17:21-23). Четырежды, вновь и вновь говорит апостол любви о единстве! Вдумаемся, как сильно жаждет единства Христос, Чьи слова пересказывает Иоанн!

Вот что отметил президент Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, комментируя упомянутую выше 17 главу Евангелия от Иоанна: «Обычно при приближении смерти человека занимают не какие-то незначительные вещи, а самое главное, то, что находится в глубине сердца и что непременно хочется передать тем, кто будет жить после него. Именно так и следует воспринимать слова Иисуса Христа в преддверии Страстей и смерти».

Итак, Иисус в преддверии смерти сосредотачивается на Единстве.

Большим искушением является идея, что единство Церкви, а значит, целостность Тѣла является уделом невидимой реальности. Уж больно это смахивает на докетизм. Если мы преломляем реальный хлеб, а не только духовный и аллегорический, если апостолы видели Бога во плоти, а

некоторые из них влагали персты в его воскресшую плоть, глупо довольствоваться метафизическим единством. Из Иисусовой молитвы не вытекает с обязательностью юрисдикционное или доктринальное единство — это лишь планы чьей-то церковной или имперской политики, но из Иисусовой молитвы напрямую следует евхаристическое единство и чарующее единство благовествующих уст.

Такое единство не от мира берется. Потому прийти к нему силами мира невозможно. Об этом неоднократно размышлял и писал папа Бенедикт XVI. Мир несет раздор и разделение. Масштаб разделения — свидетельство успехов мира и соблазн для христиан. В сложившейся ситуации наша задача действовать поверх барьеров и разделений. Вопреки миру. Вопреки большинству. Поэтому мы ищем единства — не юридического, не организационного, но евхаристического и мыследеятельного, жаждем единства в Теле и Уме Христовом.

Для меня по-прежнему важно, что мы, люди веры, нацелены действовать. Вера не парализует нашу волю действовать. Напротив, вера — и есть воля нашего действия.

Если бы Бог был нам лишь абсолютно имманентен, тогда идея, что Он все за нас сделает, была бы достаточной и исчерпывающей. У идеи, что Бог отвечает за все и вся, безусловно, множество подтверждений в тексте Писания: [без Бога] *«и волос не упадет с головы его на землю»* (1 Цар 14:45). Но Бог также абсолютно трансцендентен нам и всякому творению, и потому все, что мы делаем — мы делаем самостоятельно, суверенно, и от того именно на нас лежит ответственность за все, что мы делаем.

Здесь важно помнить: если мы не удерживаем идею абсолютной трансценденции Всевышнего миру и, в том числе, человечеству, мы скатываемся в пантеизм. И если мы не культивируем переживание абсолютной имманентности Отца, у нас нет шанса назваться Его сыновьями. Чтобы это понять — придется думать парадоксально. Придется вернуться к мышлению отцов, сформулировавших христологический и тринитарный догматы.

Теме трансцендентного/имманентного Бога посвящено множество страниц у величайших богословов XX века; это и Карл Ранер, и Ганс Кюнг, и другие. Рассматриваемое в этой статье всеобщее священство фундировано данной категориальной парой. Абсолютная имманентность Бога свидетельствует не просто о праве каждого на священство, но о факте такого священства — Он Свят в нас и с нами остается Свят во всех наших повседневных делах, во всех обыденных вещах. А вот

**Вера не парализует
нашу волю действовать.
Напротив, вера — и есть
воля нашего действия.**

абсолютная трансцендентность Бога принуждает нас ответственность, держать позицию, представлять Отца в мире и действовать; действовать решительно, как «власть имеющие», но помня: *«милости хочу, а не жертвы»* (Ос 6:6, Мф 9:13).

История повторяется. И Израиль, и Церковь начинали с безусловного императива всеобщего священства, о чем мы находим в Писании прямые указания. Но оба учрежденных Всевышним народа Божия проявили в большинстве своем неспособность удержать высокий статус богоизбранности. Дальнейшая неизбежная институционализация императивов Откровения привела в обоих случаях к появлению вначале идеи, а затем и класса сугубого священничества. Следом идущая духовная энтропия рано или поздно обязана была привести к кризису, выходом из которого и для Израиля, и для Церкви стала... Реформация.

У Израиля она произошла в ситуации вавилонского плена и разрушения Храма Соломона. Карен Армстронг утверждает, что в этой чрезвычайной для народа ситуации было введено «удивительное юридическое новшество»: «Изгнанники хотели создать ощущение божественного присутствия, живя так, словно они — жрецы в Иерусалимском храме. Доныне не предполагалось, что миряне будут соблюдать обрядовые заповеди, уставы о чистоте и пищевые запреты, наложенные на храмовых служителей. Однако теперь изгнанники стали нацией жрецов и должны были жить так, словно Бог пребывает среди них, через ритуалы создавая незримый и символический храм» (Карен Армстронг. «Биография Бога»).

Итак, Бог по-прежнему оставался со своим народом, народом пленным, униженным и рассеянным, народом, у которого отныне не было Храма как конкретного здания в определенной точке на земле. Где же тогда пребывал Бог? Ранее Он был все время со Своим народом — и в огненном столбе, когда выводил народ из Египта, и на ковчеге в Скинии, когда по пустыне его же водил, и в Святая Святых иерусалимского Храма с тех самых пор, как Соломон его построил. Где же Он был отныне? И ответ был найден: Он там, где произносится (читается вслух) Слово Божье. А раз так, то священство может стать привилегией (обязанностью) каждого. Какая же это радость — иметь Неизреченного рядом, изрекая Имя Его, соблюдая ритуальную чистоту и созида в сердце и уме своем символический Храм. Следом должна была произойти еще одна сдвигка: Израиль взял курс на всеобщую грамотность мальчиков, чтобы каждый еврей мог путем чтения и обсуждения Слова Божьего здесь-и-сейчас воздвигать Храм Отца.

Итак, где Слово — там и храм. Удивительно, но иудеи этого смысла удержать не смогли, и потому не услышали важных слов Мессии: *«Разрушите храм сей, и Я в три дня воздвигну его»* (Ин 2:19), а не услышав и не поняв, злобно высмеивали Его, висящего на кресте.

На подобное решение вышел и Лютер: реабилитация всеобщего священства не могла произойти вне всеобщей грамотности и вне всеобщей доступности Писания (но и не исчерпывалась этим). Ибо хорошо, когда человек священствует не только над (со) Словом Писания, но и над всем тварным. Отсюда всплеск исследовательских программ, становление науки и явное лидерство в том людей веры; следом: новая трудовая этика, окрепшая стать капитализма и, в конце концов, — новый мир. Уже позже произошла сдача позиции онтологического монизма, из-за чего и возник «внутрисемейный» конфликт между «любимой дочерью» наукой и «матерью» Церковью.

Таким образом, Слово Писания, доступность этого Слова каждому, культура обращения к тексту и ежедневная работа с текстом, привитая потребность диалога со Словом Живым и печатным — есть важнейшие предпосылки исполнения всеобщего священства!

Подведем итог. Всеобщее священство имеет следующие модусы существования:

- 1) исполнение порученного Отцом дела, а, значит, кроме прочего, реализация даров и умножение врученных каждому из нас талантов на протяжении всего жизненного пути;
- 2) осмысление и осуществление повседневного труда как таинства служения, как со-творчества, как соучастия в непрекращающемся творении мира;
- 3) ежедневная работа со Словом Писания, для того чтобы Дух Писания работал с нашим духом, и наш дух, окунаясь в Дух Слова, вновь и вновь возрождался, становясь сопричастником Духу Святому;
- 4) личное таинство поклонения своему Отцу, предстояние перед Ним в своем сыновстве;
- 5) удержание онтологической позиции, а, значит, принятие ответственности за единство мира и связности всего творения;
- 6) непрестанная (в пределе — никогда не прекращаемая, подхватываемая то тут, то там миллиардами уст) молитва о Царстве Его — «и на земле, как на небе»;
- 7) уверенное деятельное воплощение на земле Того, что и на Небе, — что и будем считать нашей христианской повесткой.

И тогда, в конце, еще раз новыми словами: так что же есть священство в пределе своем и на пределе человеческих сил?

Священство — это жизнь, слова и деятельность Сына Человеческого, жизнь удивительная, слова изумляющие, поступки смущающие: **«И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях»** (Мф 9:35); **«...И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало**

такого явления в Израиле» (Мф 9:33); **«...зачем ученики Твои не поспевают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?»** (Мк 7:5).

Священство — есть жатва: **«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»** (Мф 9:37,38).

Священство — в проявлении силы: **«От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»** (Мф 11:12).

Священство — это привилегия, когда **«...Дух Отца вашего будет говорить в вас»** (Мф 10:20).

Священство — это путь в самое Небо: **«Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие»** (Евр 9:24).

Священство — это пиршество; в пояснение приведу слова из текста Левона Аршакуни: **«И каждый без исключения человек может вспомнить моменты, а иногда и большие периоды своей жизни, когда эта «высота» была каким-то естественно-чудесным образом «взята», когда сердце насыщалось вкусом Любви и Вечной жизни»⁴.**

Священство предполагает публичность, открытость и смелость: **«Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях»** (Мф 10:27).

Священство — это деятельный императив, и мы призваны к нему впрямую: **«Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священные Богу Иисусом Христом»** (1 Петр 2:4,5). Куда уж доверительней: **«сами, как живые камни!»** Куда уж прямее: **«устраивайте из себя священство святое!»**

«Какая высокая планка! Но мы-то, должны оставаться реалистами и не прыгать выше головы...», — шепчет вам разум.

Здесь впору напомнить маловерам. Отказ Церкви от воплощения идеи всеобщего священства — это, по сути, отказ от Божьего завета с Церковью как избранным народом; отказ от Тела, в котором все едины, в котором нет первенства «печени» над «лодыжкой» или «легкого» над «запястьем», и потому нет сползания в корпоративную, организационную, юрисдикционную действительность, нет сворачивания в схемы мира, в беспощадную реальность богооставленного человечества.

⁴ Левон Аршакуни «Вкус любви».

«Но как реализовать столь великую задачу через сложившийся класс официального священства, — восклицает Игорь Божко, — [священства] отчужденного от жизни общества, склонного к застреванию в устаревших представлениях об общественной жизни, быстро устающего от движения вперед, не поспевающего за постоянно возникающими новыми культурными формами и явлениями, во всем подозревающего кощунство, осуждающего все новое и непонятное?!»⁵. Не менее горчит замечание Михаила Черенкова: «Сохраняется порочное деление на христиан-профессионалов (для кого «служение» Богу является профессией) и профессионалов-христиан (тех, кто верит в Бога, но служит Ему изредка, а в остальное время занимается неблагоприятным, грязным, мирским профессиональным трудом)»⁶. Это, по сути, описание кровоточащей раны на Телѣ Церкви.

Но наше желание в ином: приносить дары к жертвеннику Его; не овнов, не голубей, а дары, которыми мы наделены и которые как таланты мы развили своим многолетним трудом. Дары управления, преподавания, воспитания, преображения земли и создания второй природы, дары врачевания и разрешения конфликтов; дары повседневного труда. «Нам нужно не только «спасение душ», — развивает свою мысль Черенков, — нам также хочется полноценной жизни в результате «спасения». Ведь спасение не конец, а только начало, спасают не только от жизни ненстоящей, но для жизни настоящей, подлинной, счастливой, многообещающей. И потому без призвания и связанных с ним даров никак не обойтись, полноценную жизнь не прожить»⁷.

Так что, друзья мои, всеобщее священство дано нам ради нашей же полноценной жизни. Ведь что может быть прекрасней нашего священнического союза, когда я предстаю перед Всевышним за тебя, а ты — за меня, а мы вместе — вон за них, а они — за нас!? В этом наше единство, включающее в себя многообразие, в этом Его единое Тело, включившее всех сыновей и дочерей Адама, в этом гармоничный лад нашего всеобщего священства.

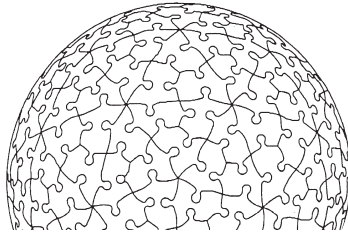
Так «устройте из себя священство святое»!

Но наше желание в ином: приносить дары к жертвеннику Его; не овнов, не голубей, а дары, которыми мы наделены и которые как таланты мы развили своим многолетним трудом.

⁵ Игорь Божко «Живой Манифест».

⁶ Михаил Черенков «О христианах-профессионалах и профессионалах-христианах».

⁷ Там же.



Научно-популярное издание

ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО

Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 007.

Материалы богословских дискуссий на тему всеобщего священства.

Материалы данного сборника можно прочитать
на сайте «Евангельское Движение»

www.evangelicals.ru/007

В оформлении иллюстраций данного издания использованы материалы,
находящиеся в свободном доступе по адресам:

http://www.tapeciarnia.pl/124971_wzgorze_kamienny_mur.html

<http://www.wikipaintings.org/ru/gustave-dore>

Подписано в печать 15.10.2013

Формат 60х90/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,5. Тираж 1 200 экз.

Местная религиозная организация
Евангельских христиан-баптистов «На Руси».

www.evangelicals.ru

e-mail: evangelical.council@gmail.com

ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНЫЕ
ТЕТРАДИ



ВСЕОБЩЕЕ СВЯЩЕНСТВО

E-mail: evangelical.council@gmail.com

Skype: [evangelical.council](https://www.skype.com/name/evangelical.council)

ISBN 978-5-905150-07



9 785905 150074

www.evangelicals.ru